

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

ВЕДЬМА.
ИСТОКИ

Подлунные

Галина Череди́й
Ведьма. Истоки

«Галина Череди́й»

2023

Чередий Г.

Ведьма. Истоки / Г. Чередий — «Галина Чередий»,
2023 — (Подлунные)

Продолжение приключений юной ведьмы Люды Казанцевой, ее близких и друзей. Ничего не дается просто так в подлунном мире, без расплаты или откупа. Даже если ты получаешь то, о чем никогда не просила в самых смелых и причудливых мечтах. А мечты у Люси всегда были очень простыми: чтобы она сама и родные больше ни в чем не нуждались, чтобы жизнь пошла спокойная, пусть даже скучная, чтобы любовь была, обычная, то есть самая настоящая, когда любят тебя, а не то, кем ты вдруг являешься. Но как бы не так! Покой и скука ей только снятся. Ведь даже когда все вдруг хорошо — не факт, что это надолго. Таков уж мир подлунных.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Галина Чередий

Ведьма. Истоки

Глава 1

– Прос-с-сти-и-и, хос-с-сяйка-а-а! – виновато прошипел Фанирс, склоняя к моим ногам свою увенчанную небольшими рожками голову и покорно распластываясь на полу так, будто желал обратиться в плоскую кляксу, а лучше и вовсе просочиться сквозь камни в свой уютный сырой подвал. – Не наш-ш-шел я и отз-с-свука ее з-с-сапах, ни намек на с-с-след.

– Жаль, – вздохнула я сокрушенно и поежилась, представляя, как должна буду опять сказать маме, что Лену найти так еще и не вышло, и понятия не имею, где она и что с ней.

В груди пронзительно защемило, что стало почти привычным ощущением в последние две недели после эпичного происшествия у реки. Шли дни, а мало что менялось. Сестра словно сквозь землю провалилась, объявившись кратко, буквально на несколько минут в апартаментах уже почившего совсем не с миром к тому моменту Петши, весть о чем, однако, еще широкой огласки не получила. Говоря прямо, Лена ворвалась в дом бывшего любовника, пока весь движняк на берегу еще был в активной фазе, и не имела возможности, значит, знать об исходе, но не особенно им интересовалась, что не могло не радовать меня. Она создала в личном сейфе глав-вампа внушительное пустое пространство, прихватив порядочно наличности, и так же стремительно исчезла, чему немногочисленные рядовые вампы и рабы никак не препятствовали, памятуя о крутом нраве владыки и о том, что в данный отрезок времени именно Мируна являлась его любимой игрушкой, а значит, лезть с вопросами – себе дороже.

Но после этого никаких сведений о ее действиях или перемещениях у меня не появилось, а вот это уже огорчало и беспокоило. Потому как я-то уже прекрасно понимаю, что мир подлунных хоть местами и страна чудес, вот только в большинстве своем они отнюдь не добрые. Оказаться в гуще всего этого дерьма девчонке, что недавно дар речи теряла от необходимости заговорить с посторонним, это же трындец как сложно. И тот малюсенький налет уверенности, что привнесен недолгим существованием в качестве любовницы могущественного вампира, мало мог ей помочь, как по мне. Ведь, очутившись в клане, окруженная чарами Петши, она пребывала в той же, по сути, изоляции, что в своей прежней жизни.

Но вот поделаться ничем с этим я не могла. Ни с помощью Лукина, ни с помощью поискового артефакта. И великий шпион сумеречный амфиптер тоже оказался бесполезным. Потому как, по его словам, после воздействия Чаши первого девушка, прежде известная как моя сестра Лена, а позже – вампирша Мируна, и той, и этой быть вроде как перестала. По крайней мере, ни ее запах, ни аура не опознавались и не находились. И все, что мне оставалось – вздыхать, выслушивая однообразные донесения Фанирса, ждать и раз за разом повторять маме осточертевшее “новостей нет”.

– Воз-с-свращ-ш-шатьс-с-ся к пойс-с-ску, хос-с-сяйка? – шевельнуло покаянно распаханутыми крыльями пятно в форме амфиптера на полу, отрывая меня от бездумного созерцания падающего за окном снега.

Декабрь и так-то в наших краях на него щедр, но в этом году прям разошелся не на шутку. Валил четыре дня уже, то мелкий и частый, то громадными неровными хлопьями, похожими больше на перья, заставляя зашиваться коммунальные службы и превращая дороги и тротуары в полосы препятствий для водителей, пешеходов и совсем недобровольных ежеутренних бегунов, коей я была понуканиями беспощадного ведьмака. Один плюс – снег скрывал извечную грязь и серость города, смягчал режущее глаза искусственное освещение, превращая его в нагоняющее загадочности сияние и привнося некое предвкушение скорого праздника родом из

детства. А еще снег и окрепший мороз совместными усилиями накрыли совсем недавно беспокойно текучую реку толстым слоем, принуждающим впасть в сон и надежно замыкая под собой агрессивную к любым живым зимнюю нечисть.

– А? Нет, не думаю, что есть смысл и дальше тебе рыскать без отдыха, Фанирс. Отправляйся подкрепиться и отлежись. Попробуешь снова завтра.

Сумеречный исчез, прошипев благодарность, зато вернулась та самая прилипчивая тягучая тоска. Или даже черт знает, как и назвать это чувство или состояние, что напоздало на меня все плотнее. Наверное, нечто вроде отката после сильного напряжения и шквала одномоментно бухнувших на голову событий. Казалось бы – только что было столько всего и всех сразу, и вот ты одна. Стоишь у окна, пялишься на снег, который крутит ветер снаружи, и внутри нечто такое же творится. Медленное вращение по кругу одних и тех же мыслей и эмоций, из которых не в состоянии полностью выдернуть ни тренировки, ни обучение. Сила со мной “не разговаривает”, судя по всему, до сих пор обижаясь за отнятого Волхова. Сам Егор тоже не объявлялся за это время, а я и не лезу. Черт его знает, как он относится ко мне теперь, и не нарвусь ли на репрессии на общих для всех подлунных основаниях, если сунусь выяснять.

А может все дело в этом дремотном состоянии воды, передавшемся и моей силе, а майор ни при чем. Занят своими делами и думать обо мне забыл, чего собственно, я и добивалась. Сестру спасла, но не факт, что она мне за это благодарна, и не стало ли все только хуже. Но ведь и не ради благодарности я все делала, а потому что хотела лучшего для Ленки, так что отчего же тут печалиться?

Лукин тоже “откатился к базовым настройкам”. После известия о том, что я сделала Чашу недоступной и бесполезной стало быть, Данила даже не орал на меня. Не упрекал, не тыкал долго и со вкусом в то, какая же я дура и никакой ему от меня в жизни пользы, а одни заботы. Нет, он вообще на эту тему больше не заговаривал, и у нас таки была совместная ночь, что восстановила обоих, но на этом и все. В смысле поутру и сама ночь ощущалась исключительно необходимым взаимным обменом энергией без намека на душевную близость, и вести себя Лукин стал как раньше. То бишь, учитель и опекун, и ничего сверх этого. Ну или я сама себе придумываю, а он ждет той самой инициативы с моей стороны, а я не готова ее проявить, и это тяготит и порождает такое ноющее не пойми что внутри. Какой-то магически-физический затянувшийся ПМС, видать, когда все вокруг уныло и не радуется. Еще и дело к Новому году идет. Семейный праздник, блин. А семья, считай, развалилась.

– Эх, мало было к нашему дому одного шинору бесоромного приваждать, так он с собой еще и этого маракушу суемудрого притащил, – пробухтел тихо, так чтобы было слышно только мне, Алька за спиной.

– Угомонись. Подай нам лучше чаю, – велела я, отходя все же от окна с вгоняющим в унылое отупение видом.

– Ох, хозяйка-хозяйка, тати эти беззаконные обирать нас пришли, добро из дому тащить собрались, а ты их еще кормить-поить велишь. Где же оно такое видано, чтобы в кладовую с казной кого ни попадя пускать, ручищами загребущими лапатам злато-серебро-каменя самоцветные, зыркалами беззаконными шарить по...

– Алька, кончай это! – строго глянула на него.

Блин, это мелкий зануда склочный еще не в курсе, что я ремонт большой запланировала с обустройством нормальной современной кухни в здоровенной и, как по мне, абсолютно бесполезной столовой. Может, Рогнеде она и нужна была, и у нее пищеварение не стабильно работало, если пища не подавалась в помещении размером с пол-актового зала в моей поселковой школе, но я-то прекрасно без этого обойдусь. А вот необходимость постоянно обращаться к помощи слуги для того, чтобы хоть кофею себе по-быстрому наколотить или бутер сварганить потихоньку, стало раздражать, с эффектом накопления, причем.

Слуга утопал, продолжая ворчать неразборчиво, а я пошла на голоса “беззаконных татей”, они же ведьмак Лукин и приглашенный им известный среди подлунных оценщик и скупщик ценностей, то бишь так слезно-занудно оплакиваемого Алькой добра.

– Зээв Ааронович Захельмахер! – шагнул мне навстречу с протянутой узкой ладонью невысокий мужчина в строгом костюме, не дожидаясь, когда его представит приведший Лукин. – Без бесполезной скромности скажу: я – лучший диспашер, которого вы могли бы поиметь счастье заполучить для ведения дел среди подлунных в нашем городе, да и во всей стране, пожалуй.

Я бросила вопросительный взгляд на Данилу.

– Ты же просила помочь реализовать ту ювелирку, оставшуюся от Рогнеды, – пояснил ведьмак. – Вот я и нашел тебе оценщика. Не то, чтобы прям лучшего из возможных, но без склонности облапошивать внаглую.

Я вздохнула и наградила его еще одним выразительным взглядом, что должен был донести до нахального Лукина необходимость хотя бы звонить и предупреждать об организованных им визитах посторонних. Но, само собой, не донес. Лукин такой Лукин.

– Ой, дайте мне посмотреть на вас, Людочка! – продолжил тархтеть Зээв Ааронович, пропустив мимо ушей поправку ведьмака, и окидывая меня, одетую в домашнюю застиранную футболку, лосины и толстые полосатые связанные бабулей носки, пристальным взглядом. – Ну надо же, своими глазами вижу ту самую юную ведьмочку, за которую ходит столько разговоров среди подлунных! Рад, очень рад с вами познакомиться, госпожа Казанцева, и надеюсь на долгое и взаимовыгодное сотрудничество, невзирая на слухи за ваши странности!

Однако наше сотрудничество не заладилось с самого начала. Едва только Захельмахер перестал охать и прищелкивать языком от первичного поверхностного осмотра доставшихся мне ценностей, то сразу же перешел к делу. Цапнул с полки небольшую шкатулку, вырезанную из камня, открыл и извлек на свет массивное ожерелье, подмигнувшее множеством густозеленых камней в золотой оправе. Нацепил на голову сильно вытянутый смешной окуляр на ремешке и рассматривал украшение сквозь него несколько минут.

– Замечательное колье, хотя не все камни идеальной чистоты, но по нынешним временам это не беда. Шо там сейчас понимают за настоящую чистоту, – наконец изрек он. – Как вы смотрите, Людочка, если я вам предложу за эту красоту триста тысяч.

– Эм... хорошо, – замялась я.

– Зээв Ааронович, ай-яй! – мигом оттеснил меня Лукин и живо выхватил из рук диспашера колье. – Я вас своей подопечной привел как честного дельца, а вы вознамерились оставить ее голой и босой и это в такие-то морозы? Ну и где ваша совесть? Это изумрудное сокровище по самой скромной цене тянет на пятьсот!

– Ой, да шо вам за мою совесть переживать, господин Лукин, когда надо рыдать за вашу! – прижал ладонь в район желудка, как обычно это делают над сердцем, визитер. – За безделушку пятьсот тысяч! Да если я стану закупать их по таким бешеным ценам, то моему бизнесу конец, а мои жены и дети станут плакать ночами от голода! Четыреста, и ни копейкой больше, иначе моя голодная смерть будет вам вечным укором, господин Лукин, и я стану-таки вам являться каждую ночь призраком и лишать сна бурчанием пустого живота.

– Ой, я вас умоляю, Зээв Ааронович, вы еще нас с Людой переживете, а современные олигархи позеленели бы от зависти и потеряли сон и аппетит, если бы узнали о ваших скромных капиталах. Четыреста пятьдесят!

– Да зачем им иметь интерес за мои копейки на слезы и старость? Пусть бы они лучше думали о ваших грабительских расценках за услуги. Четыреста пятьдесят! Ведь натуральный же грабеж! – диспашер адресовал последнее ко мне, потянув однако ожерелье обратно, но Лукин шагнул вбок, перекрывая ему обзор, и демонстративно исключая тем меня из процесса

торга. – Ну да ничего не поделаешь, ваша взяла, господин Лукин. Не зря, ой не зря вас Черным Лисом кличут.

Они перешли к препирательствам насчет следующей вещицы, а я поняла, что не нужна им по сути. Данила явно получал удовольствие от процесса, а торчать там для мебели и типа контроля, ни черта не понимая в расценках, как-то глупо, тем более на голодный желудок.

Поэтому я ускользнула, не обращая внимания на мрачный взгляд Никифора и бесконечное бухтение Альки. Спокойно умылась, переделалась поприличнее, поела, приняла отчет у Фанирса и только после этого пошла обратно к комнате с ценностями, потому как еще немного, и у меня появится дыра в черепе от причитаний слуги.

– ...Сто тысяч? – донесся до меня возмущенный возглас Лукина на подходе. – За мужской перстень с таким замечательным проклятьем гнева, и это уже не говоря о сапфире такой величины? Скажите мне, где вы сегодня позабыли ваш стыд, и я за ним стогняю по-быстрому, потому как дела с вами вести нет никакой возможности без этого.

– Я свой стыд ношу с собой с того дня, как моя обожаемая мама родила меня на свет. А вот ваш точно увяз в сугробе на подъезде, господин Лукин! Я вам честнее некуда предлагаю сто тысяч за то самое проклятье, а сам перстень без него и даром не нужен. Кустарная грубая работа, к тому же новодел всего-то прошлого века, да такого добра вокруг тьма. Если бы не проклятье на нем, я бы в его сторону и не глянул.

Я вошла в помещение и застала обоих мужчин склонившимися как раз над той кучей украшений в отдельном сундуке, что и вызывали у меня самые неприятные ощущения при приближении к ним. Я до сих пор так и не смогла себя заставить и тронуть хоть что-то оттуда, хотя некоторые вещи были потрясающе красивыми. Несколько украшений уже перекочевали на довольно задрипанного вида холщовую тряпку, расстеленную на крышке соседнего сундука, а торг шел вокруг массивного перстня с большим синим камнем.

– Погодите, о каком проклятии идет речь? – вмешалась я в спор.

– Василек, а пойдешь ты потренируйся зелье против Черной духоты варить. А то вчера у тебя совсем оно жидкое и хреновенькое вышло, – оскалился в непроницаемой улыбке Лукин.

– Черта с два! Я хочу знать, о чем тут шла речь только что. На этих вещах какие-то проклятья? Они способны навредить кому-то?

– Ой, да шо вам за интерес за эти проклятья-шмаклятья, Людочка, и за вред ни разу не знакомым вам людям, когда я даю за эти побрякушки такие приличные, а точнее – безобразно неприличные деньги! – зачастил снова Зээв Ааронович, явно пытаясь заговорить мне зубы. – Я же тут весь употел, шоб только сделать вам хорошо и богато, а самому наскрести хоть на простенький саван, в котором меня и похоронят! Дайте нам с господином Лукиным потрудиться, шоб вы могли ходить потом и тратить деньги на все те женские глупости, от которых такая красавица станет еще краше в сто тысяч и еще десять раз, и это моя последняя цена!

– Лукин?! – нахмурилась я, игнорируя болтуна.

– Люсь, ты хотела же избавиться от них.

– Я задала тебе вопрос!

– Ну да, так и есть, – нехотя и нисколько не скрывая недовольства, ответил ведьмак. – На каждой из этих цацок есть магическое обременение. Именно это и составляет их настоящую стоимость, и как раз перепродажей подобных вещей зарабатывает наш гость. Довольна?

– То есть, вы покупаете вещи с прицепившимися к ним проклятиями и прочими гадо-стями и делаете что? – обратилась я к Захельмахеру. – Перепродаете людям или подлунным, которые хотят навредить кому-то?

– Людочка, да зачем вы берете в вашу красивую головку беспокойство за мой скромный бизнес! Он же как и любой другой такой же. Есть спрос, будет и предложение.

– Ясно, – кивнула я и нахмурилась. – Мы не будем продавать вещи, способные нанести кому-то вред. Зээв Ааронович, простите, если потратили зря ваше время, и договоритесь с господином Лукиным о его достойной оплате. Всего хорошего.

Ведьмак промолчал, но закатил глаза, и я почти услышала его обычное “Да, Люська, же!”

Диспашер же уставился на меня пристально и даже как-то тяжело, и пялился около минуты, а потом кивнул, похоже, каким-то своим мыслям.

– Ну надо же, а я уж подумал, шо сплетни среди подлунных за ваши странности – пустая болтовня, а они прямо-таки подарок под елку для психологов, и никак иначе. Доброта и бескорыстие в наше время уже не добродетели, а признак слабоумия или повод для подозрения, знаете ли. А заботой о благополучии ближних можно нажать себе только грыжу, нищету и геморрой, в лучшем случае, и словить нож в спину – в худшем. Однако, я внезапно для себя проникся и имею до вас, госпожа Казанцева, новое бизнес-предложение. Прибыли оно, конечно, принесет одни слезы, но огрызок от бублика лучше, чем дырка от него и потраченное совсем за просто так время.

Глава 2

– Надеюсь, ты четко себе представляешь объем упущенной прибыли? – почти безразлично осведомился Лукин, как только Зээв Ааронович покинул мой дом, и не пытаюсь скрыть самодовольной улыбки.

– Довольно смутно, – пожала я плечами. – Но это был принципиальный вопрос, и, в конце концов, я не нуждаюсь.

– Не нуждается она. Смотри, миллионерка какая, – сорвался-таки на ворчание Данила. – Между прочим, не давать облапошить тебя, а через это и твоего опекуна – это принципиальный вопрос уже для меня.

– Никто нас не облапошил.

– Ха! Еще как!

– Данила, ну неужели тебя совсем не смущает то, что с помощью этих вещей кому-то нанесли бы вред?

– В моем возрасте смущаться уже какая-то нездоровая фигня, василек. И с какой стати меня, как и тебя, должно колыхать, кто и кому чего-то там нанесет? Разве это сделали бы мы сами? Нет. Разве Захельмахер продавал бы эти цацки ничего не подозревающим лохам? Опять же нет. Люди, покупающие у него “заряженные” бирюльки, прекрасно знают, за что отваливают такие деньги. Знают и берут их осознанно, значит, и все грехи на них. Не на тебе. Я не против поглазеть на тебя в каком-нибудь супер-геройском обтягивающем костюмчике, но дурацкий развевающийся кусок тряпки все бы испортил. Хорош тянуть на себя одеяло ответственности за все про все. Пупок надорвешь, поняла?

– Не-а, не поняла. Если я могу, не напрягаясь причем, сделать так, что вреда не будет причинено вообще, то почему же не добиться этого?

– Отдав барыге ценности в три раза дешевле, да еще и за вычетом стоимости за их магическую чистку? – пренебрежительно скривился ведьмак, как от кислоты в рот попавшей.

– И что? Лукин, сумма-то в итоге все равно вышла по моим меркам заоблачная, – начала уже потихоньку раздражаться я. – Столько и за две жизни нормальному человеку не потратить.

– Да-а-а, видать, не изгоняется из тебя так запросто провинциальная нищобродина, василек, – вздохнул ведьмак сокрушенно, глянув как на убогую. А вот это уже обидно, пусть и заслуженно, наверное. Смотри, аристократия столичная выискалась. – И ты не человек, уясни уже. Затраты у тебя, знаешь ли, другие. И спрос с тебя другой. Я тебе сколько толочь буду, что надо учиться деньги любить и охотно брать, потому как иначе сила и магия чем другим брать и с тебя, и с тех, с кем дела ведешь, станет. Да еще болтать больше станут о том, что ты у меня на всю голову странная для подлунной.

– Черный лис боится слухов?

– Балда! Эти самые слухи могут кого-нибудь привести на мысль о твоей не только странности, но и слабости, тогда как я в поте лица создаю для всех твой образ, как адски сильной и коварной ведьмы, к которой соваться – суицидником надо быть.

– Ну, вообще-то Зээв Ааронович сказал, что доброта нынче повод для подозрения. Так что я, можно сказать, тоже работаю на создаваемый тобой имидж. Вдруг я то самое адское коварство благими порывами маскирую.

– Бестолочизм твой чем бы замаскировать, – отмахнулся Лукин сокрушенно. – Ладно, может, ты и права, и вряд ли настолько прожженный делец поверил в твою настоящую мотивацию до конца. Он же не знает тебя так, как не свезло узнать уже мне. Небось все ногти до локтей себе сгрызет, гадая, в чем же состоит твой истинный умысел и реальный выхлоп.

– Если не поверил, то почему просто не отказался?

– Из любопытства, василек.

– Странно для меня это. Сомневаться и не доверять, но ввязываться. Глупо же.

– Эх, нет в тебе духа авантюризма, Люська! Ты как будто сразу бабушкой на свет уродилась. Вот тебе разве не мечталось никогда о приключениях, расследовании страшных преступлений у соседей или раскрытии жутких интриг?

– Нет, не мечтала.

– Что, и о дальних странствиях, кладах и подвигах? Особенно летом, когда по утрам было время поваляться подольше и в школу бежать не надо?

– Летом мы с Ленкой вставали еще раньше, чтобы маме до пекла успеть в теплицах и на грядках помочь. А потом на рынок местный перли на продажу обычно. И подвиг, о котором мне мечталось – это взять и заработать столько денег, чтобы не нужно было так горбатиться, долгов вечных не стало, вещей всем новых купить, чтобы не чьи-то недоноски. Особенно перед первым сентября, чтобы одноклассницы не стремились. И блины хотела попробовать с икрой. Красной. И креветок огромных на гриле, как по телеку. Вот, кстати, именно эту мечту я так до сих пор и не исполнила. И насмехайся сколько влезет.

Данила смотрел на меня с полминуты как-то нечитаемо, но очень пристально. Небось думает, что я предприняла попытку жалость в нем пробудить. И правда, чего понесло-то? Нормальное у меня детство было, страдалицей себя ни тогда, ни сейчас не ощущаю, и хуже люди жили. У нас хотя бы дружно все всегда, и не спился в семье никто. А икра и креветки эти... фижня. Вот прямо сегодня на ужин и закажу. Наверняка можно доставку из какого-нибудь ресторана устроить. Дело-то всего лишь в деньгах.

– Намекаешь на то, что я тебя давно никуда не выводил? – Ну вот, так и знала!

– Да ты меня каждое утро выводил, блин. И все больше из себя, – огрызнулась я. – Нельзя разве купить беговую дорожку и хотя бы в такую погодную жопу по этим сугробам не бегать?

– О, кстати! – встрепенулся Данила. – О бегах и жопах. Василек, ты что о лошадях знаешь?

– В смысле?

Что-то мне ни сам вопрос, ни оживление в его лукавых зенках не нравятся.

– В смысле опыт общения имеешь?

– Ну... видела. Через забор. Мужик у нас один в конце улицы держал. У него еще жеребец придурошный был, вечно бросался как собака и зубами страшно лязгал.

– И это девочка из сельского Кукуево! – наигранно возмутился ведьмак.

– Из поселка городского типа, умник, – возразила, но он забил на мое уточнение, пренебрежительно отмахнувшись.

– Я что-то такое и предполагал, так что, молодец такой, организовал для нас посещение частной конюшни дважды в неделю. Будем учить тебя верховой езде и общему обращению со скотинкой этой. А! И еще два дня в неделю будем брать уроки скалолазания.

– Чего?!

От необходимости аргументированно (судя по его довольной физиономии и предвкушающему мое еще большее офигение блеску в лукавых глазах) ответить мне Лукина избавило басовитое “Хозяйка, к тебе пришлец!” Никифора, который появился по своему обыкновению внезапно из пустого угла. Данила запретил мне вести какой-либо прием пока, так что домовика я попросила не обращать внимания на визитеров и не докладывать о них. За исключением, конечно, знакомых, скажем, того же майора или каких-нибудь подозрительных личностей. И если Никифор решил-таки доложить, то, видать, посетитель не простой желающий облегчить жизнь себе или испортить ее же кому-то с помощью ведьмовской силы.

– Кто там? – потребовал ответа Данила, но, само собой, домовый глядел исключительно на меня, давая понять, что хоть Лукин и частый тут гость и входить может без стука, но ответ держать домашняя нечисть готова только передо мной.

– Кто это? – продублировала я вопрос ведьмака.

– По чести он не представился, прежде к нам не закахивал, но не впустить никак не можно, хозяйка, – прогудел Никифор вроде чуток виновато. – Знак он к двери прикладывал особый, жандармский, значит, и что ты дома обретаешься вызнал и кликать без промедления велел.

– Полицейский значок? – удивилась я, пытаюсь припомнить, носят ли наши полицейские такое или это мое сознание из иностранных сериалов почерпнуло.

– Не-а, василек, жандармский знак – это штучка из времен задолго до полицейских значков, – ответил мне Лукин, немного изумленно приподняв брови. – А ну, пошли глянем, кто это у нас таким раритетом размахивает.

– А что это за знак-то такой? – пошла я вслед за ведьмаком к лестнице.

– О, очень интересная и наделенная определенной силой штучковина, Люся. И опасная для нас, потому как обладает способностью вскрывать жилища и укрытия подлунных даже против нашего желания. А еще временно отнимает у домашней нашей нечисти дар скрываться от чужих глаз и лгать, да и нам в ее присутствии соврать дискомфортно. Короче, та еще пакость, благо до сих пор я о таком только по слухам и знаю. Думал, все они еще в тридцатых, где-то во время тех жестких чисток и столкновений подлунных с властью, канули в неизвестность.

– Слушай, а если этот знак такой могучий, то, может, ну его? В смысле, не очень-то я хочу выходить общаться к его обладателю.

– Василек, тогда он может войти сам, причем, взломав магическую защиту твоего дома, и кто его знает, сколько это будет залечиваться. Тебе оно надо?

– Нет, – со вздохом ответила я. Калечить мой дом я провоцировать никого не стану.

За дверью, к моему большому удивлению, обнаружился совсем молодой парень, мой ровесник где-то. Высокий и крепкий, правда, но чертами лица еще совсем мальчишка. Да уж, привыкла я уже к окружению мужчин постарше и на ровесников свысока поглядываю. При виде открывшего дверь ведьмака незнакомец строго нахмурился, но когда из-за плеча Данилы выглянула я, он внезапно так сильно смутился, что в пару секунд стал буквально пунцовым.

– Вам кого? – недружелюбно поинтересовался ведьмак.

– Людмилу Казанцеву, – хрипнул парень и резко сунул руку за полу расстегнутой наполовину кожаной куртки на меху, отчего Лукин передо мной мигом напрягся весь. Но вместо оружия представитель закона (предположительно) выдернул из внутреннего кармана нечто вроде серебряного медальона на короткой толстой цепочке. Вещица зацепилась за одежду от порывистого движения, вылетая из его пальцев, и звонко упала на каменный пол. Визитер кинулся ее подхватить и наконец выпрямился и продемонстрировал нам. – Вот!

Я успела рассмотреть искусно отлитого двуглавого орла и нечто вроде виноградной лозы, оплетающей артефакт по окружности, но потом мое внимание странным образом рассредоточилось, мысли опустели, принося непонятное расслабление и даже безразличие. Почему-то вспомнилось то самое состояние апатии, вызванное ментальным воздействием чужаков тогда в тоннелях. И как только я смогла осознать, что это и есть воздействие, о котором говорил только что Лукин, то сразу полегчало. А ведьмаку, очевидно, гораздо быстрее меня.

– С кем имеем необходимость общаться? С какой целью соизволите нанести визит данной особе? – спросил он тоном насмерть стоящего на страже хозяйского покоя дворецкого.

– Я... кхм... – пришлец таки прочистил горло, чуть приосанился и сказал уже твердо: – Лейтенант Вяхирев. Людмиле Казанцевой предписано явиться в обязательном порядке к подполковнику Александрову, новому руководителю спецотдела для опроса, а я должен проследить за этим и доставить.

Опа! Ну не сказать, чтобы прямо сюрприз. Я чего-то подобного все же ждала. Вот только... Что, Люся, надеялась, Волхов будет тобой сам заниматься и вообще все замнет? А зачем бы ему это делать, если теперь никак в тебе не заинтересован? Написал официальные отчеты, дал всему ход, как полагается, и все, устранился. Ведь у нас с ним, как это там называ-

ется? – конфликт личных интересов или типа того что-то. Короче, ему заниматься мною вроде как не полагается, а мешать делать это другим причин больше не имеется. Хотя и раньше-то их, может, не было.

– Э-э-эм... Нужно ехать прямо сейчас? – уточнила я.

– Да, предписано явиться к тринадцати ноль-ноль, – уже окончательно вошел в роль строгого полицейского лейтенант и светанул массивными часами. – Сейчас двенадцать десять. Попрошу вас не затягивать со сборами.

На языке так и завертелось “сухари, мыло, зубную щетку и спортивный костюмчик брать?”, но я промолчала.

– Госпожа Казанцева передвигается везде исключительно в моем сопровождении, – заявил Лукин. – Так как является моей подопечной и подзащитной в одном лице, а также объектом нездорового интереса некоторых могущественных подлунных.

– У меня нет никаких распоряжений на этот счет, – пожал плечами лейтенант. – Доставить нужно одну Казанцеву, вам придется прибыть к отделу своим ходом и дожидаться ее снаружи.

– А вы уверены, что в состоянии обеспечить ее безопасность в пути и во время пребывания у вас? – попытался надавить Данила, но внезапно юноша, алеющий щеками и ушами, продемонстрировал иную свою сторону, и была она откровенно враждебной.

– Я уверен, что получил четкий приказ, в котором нет ни слова ни о тебе, ни о обеспечении какой-то там безопасности для ведьмы, и намерен его выполнить не взирая ни на что, – процедил он с нескрываемой злостью. – Будешь пытаться воспрепятствовать мне, ведьмак?

Ого, а не такой уж он и мальчишка, каким мне показался сразу. Вот взглядом каким уничтожающим сверлит Лукина и тоже весь напряжился, будто готов идти в атаку или отражать нападение. Ну а с другой стороны, в этот отдел по борьбе с нами, подлунными, брать слабаков и трусов никто не стал бы.

– Никто ничему не будет препятствовать! Мы законопослушные подлунные и готовы идти навстречу представителям власти, – примирительно встряла я между ними, незаметно пихая напрягшегося Лукина локтем в живот. – Простите, как вас по имени-отчеству?

– Для вас я – лейтенант Вяхирев и больше никак, – практически огрызнулся вестник неприятностей, переводя теперь тяжелый взгляд и на меня.

– Ладно, лейтенант, – продолжила я прикидываться покладистой зайкой, – хотите чаю, пока я буду переодеваться?

– Нет, – процедил он сквозь зубы с явным посылом “не считай меня лохом”. – Через пятнадцать минут вы должны быть у моей машины.

– Василек, только не мандражируй, поняла? – пошел за мной по пятам Лукин. – Сейчас просто спускаемся в подвал к алтарнику, ты мне дашь право от него запитаться, как хозяйка местная, и я нас быстренько перекину сначала ко мне в дом, а потом и свалим по-быстрому из страны.

– Зачем? – изумилась я.

– Че за дурацкий вопрос? Не чуешь запах неприятностей что ли? У отделских новый шеф, гребаная новая метла, что сейчас поначалу начнет мести всех подряд и до чистого, выслуживаясь. Я такое уже пару раз пережил, и лучше в подобные моменты быть где подальше. Через годик-другой оптимизм угаснет, и можно будет вернуться.

– Слушай, ну если бы мне грозили реальные какие-то неприятности или было что, как говорится, предъявить по факту, то разве они не приперлись бы ломать двери со спецназом, вместо того, чтобы прислать этого нервного летеху в одном лице?

– А ты хочешь рискнуть своей задницей и проверить, есть или нет? Не беси меня, василек!

– Я думаю, что если сейчас убегу, то дам им понять, что совесть моя нечиста, и мотивирую действительно копать глубже.

– Люсь, ты совсем наивная? Ты не знаешь основной принцип наших органов “был бы человек, статья найдется”?

Я заколебалась. А что, если Лукин прав? Вот поеду я добровольно, и все, с концами. Но не поеду, и что? Автоматом зачислю себя в, как минимум, подозреваемые в чем хошь, и вынуждена буду несколько лет скитаться по границам. А мама, Ленка, бабуля, Алька с Никифором и Фанирсом? Ну, на кой черт этому новому шефу отдела меня арестовывать? За что? Нашли какие-то мои следы на трупе Филимонова? Или следы моей крови там, где Гарпия меня избивала? Но Волхов сказал – забудь. Значило ли это, что он обо всем позаботился? Обо всем ли? Он ведь опытен в этом, должен был все предусмотреть, ведь сам, выходит, замешан в сокрытии моего участия. В любом случае, я ничего не смогу по этому эпизоду рассказать, даже будь такое желание. А если станут требовать, то тут мне и конец.

Но вот странная штука, при мыслях о тех событиях нигде тревога во мне даже не шевельнулась. А еще что мне предьявить-то? Но при этом и полного спокойствия не было. Хотя это и понятно, пришли за тобой из доблестных наших органов, какое тут спокойствие. У нашего народа страх перед властью уже на генетическом уровне несколько поколений подряд. А ведь лучше, когда уважают, чем боятся, но тут уж что имеем.

– Данила, не поеду – не узнаю. Может, там вообще чистая формальность.

– Звони своему копу! – велел ведьмак, и сам принялся набирать номер.

– Слушай, не думаю, что теперь это...

– Звони, сказал! – рявкнул он.

Я взяла у него гаджет, но только для того, чтобы дважды услышать, что абонент находится вне зоны.

Сообщения оставлять не стала. Потому что... ну мало ли. Слова – это то, что уже могут использовать против тебя, тем более зафиксированные техникой. А откуда мне знать, попадет ли мое сообщение прямиком к Волхову или кому-то еще. И если моя совесть типа чиста, то чего тогда кинулась ему названивать и сообщать, что пришли в отдел забирать?

– Так, ладно, – все еще хмурясь, сказал Лукин. – Возможно, ты и права, и свалить сейчас – только хуже сделать там, где все еще не критично. Только запомни, василек: прежде чем на любой вопрос ответить, сосчитай до пяти или больше. Давай себе время на подумать. Как бы внезапно темы ни меняли, ни орали или пугали. Думай, что говоришь, девочка. Ограничивайся максимально краткими “да-нет-не знаю”. И, если есть возможность, включай дурочку, ни грамма не опытную, или молчи. Заболтать их не пытайся, как и врать складно – поймут. Ясно?

– Угу, ясно.

– Я буду ехать следом и ждать под отделом, сколько понадобится, – ведьмак притормозил меня у входной двери и обнял со спины, прижав снова крепко, до легкой боли в ребрах.

– Если что, ты... ну, моих совсем не броса...

– А по башке? – рыкнул он, отпуская, почти отталкивая. – У меня на тебя планы, и не надейся в подвалах отделских спрятаться от меня и кинуть, поняла? Я найду способ тебя оттуда извлечь и беспардонно использовать в своих меркантильных и развратных целях, помни это все время.

– Спасибо, Лукин, – повернувшись, я поцеловала его коротко, не позволяя себе поддаться эмоциям.

Он снова обнял, но только на секунду, и тут же развернул и начал подталкивать.

– Так, обмен слюнями и минутка мимимишности закончены. Собирайся, василек. Раньше сядешь – раньше выйдешь.

Глава 3

Само собой, выскакивать из салона авто и галантно открывать мне дверь Вяхирев не стал. Уже привыкла я, однако, к этому в процессе общения с Волховым и Лукиным. Ехали мы молча, лейтенант сам со мной заговорить не изволил, а я тоже не видела причин пытаться наладить общение. Судя по тому, как он старательно натягивал на физиономию строгое выражение, избегая смотреть мне чуть пониже лица, молодой человек тут принципиальный и поклонник все той же любимой отдельской идеологии “хороший подлунный – мертвый подлунный”. Вот только то и дело краснеющие уши, стоило мне поерзать на сидении, ломали ему весь образ.

Добрались мы до места без пяти час, Вяхирев сухо попросил меня сдать телефон и повесить теплую куртку на вешалку в коридоре, завел в пустой кабинет, велел подождать, а сам ушел. Прошло пять минут, десять, двадцать, а никто так и не появился. Из-за двери изредка доносился звук шагов, но все мимо. Я начала ерзать на дико неудобном, словно родом из мрачного прошлого, деревянном стуле. Да весь кабинет этот был словно из исторического фильма о временах сталинских репрессий. В мрачных тонах, плохо освещенный. Из обстановки только массивный стол с изрядно истертой, а местами поцарапаной столешницей, на которой не было ничего, три явно еще совковых стула: подо мной, за столом и в дальнем углу, куда почти не добивал тусклый потолочный светильник, и громадный сейф. Все. Еще только портрета великого вождя на темно-зеленых стенах с подозрительным бурым крапом не хватает. Зачет, господа отдельские, антураж на нервы действует очень даже. Хотя больше раздражало это ожидание, пусть я прекрасно и понимала, что оно как раз и призвано вывести меня из равновесия.

Сидеть, перенося вес с одной занывшей от твердости ягодицы на другую, мне надоело, и я пошла и подергала дверь. Ожидаемо заперто, пусть я и не слышала щелчков замка. От скуки стала обходить небольшое помещение по кругу, брезгливо поковыряла несколько особенно крупных засохших капель на стенах, не скрываясь принялась высматривать где же тут камера. Нашла сразу две, погримасничала, сделала еще несколько кругов, а потом сняла еще и свитер и принялась делать разминку. Дошла до отжиманий от стула, когда дверь наконец распахнулась. Опять звука отпираемого замка я не услышала, и стремительно вошедший, даже влетевший, в комнату мужик имел все шансы напугать меня, если бы я чего-то такого не ждала. Выпрямилась, с любопытством рассматривая незнакомца, занимающего место за столом и бросившего перед собой тоненькую пластиковую папочку. Невысокий, едва ли выше меня, полноватый, но костюм сидит идеально, наверняка шили под заказ. Залысины небольшие на висках, седой, но лицо без морщин, я бы сказала вполне такое располагающее к себе, если бы не цепкий взгляд сквозь стекла очков без оправы.

– Садитесь, – велел он, не спеша здороваться и представляться.

– Насиделась уже, – ответила, тоже не ломанувшись с приветствием и вопросами, выдавая нервозность.

– Неужели? – приподнял он бровь с эдаким посылом “вы еще сидеть и не начинали”. Не страшно совсем, дядя, я в курсе, что подлунных вы не сажаете. Мочите сразу, ага. – Вы же в офисе работали еще не так давно, госпожа Казанцева. Разве там не приходилось сидеть куда как дольше?

Это что, намек на то, как быстро меня жизнь подлунной испортила?

– Место посадочное там было гораздо комфортнее. Компания все же состоятельная и могла себе позволить.

– Думаете, мы не можем?

– Думаю, вы меня не мебель обсуждать пригласили.

– А что, по-вашему, обсуждать я вас ВЫЗВАЛ?

– У меня есть сразу несколько версий об этом, но вы же не ждете, что я начну вам их озвучивать?

Отвечать он мне не стал, извлек бумаги из файла и прилип к ним глазами. Будто я поверю, что вы, гражданин начальник, только сейчас впервые читаете материалы на меня. То, что это именно они, не сомневаюсь.

– Вы состоите в интимной связи с майором Волховым, госпожа Казанцева. В этом причина столь скудной информации на вас в досье?

Тыдыщ в лоб! Ясно, кругами ходить не будем.

– Я своего досье не читала, так что ответить на ваш вопрос затрудняюсь, – ответила, начав прохаживаться от стены к стене, чем заработала раздраженный короткий взгляд от так и не представившегося невежливого типа.

– То есть свою связь с майором вы не отрицаете?

– Нет... – я чуть не продолжила, заявляя что мы оба свободные люди, имеем право и все такое, но вспомнила наставления Лукина и прикусила язык.

– При этом ведьмак Лукин также является вашим любовником?

Хм... А ему это зачем? И кто его на самом деле интересует? Я или Волхов?

– Не вижу причин отвечать на данный вопрос.

– Смущает, когда указывают на вашу сексуальную распушенность? – ничуть не сменив выражение лица и тон, уточнил мужик.

– Мне казалось, ваш отдел занимается подлунными, а вы на самом деле – полиция нравов?

Он посмотрел на меня еще въедливее, сделав полуминутную паузу перед тем как выстрелить следующим вопросом.

– Майор Волхов в своем докладе указал, что именно благодаря вашей помощи были найдены и обезврежены чуди белоглазые и пресечено завершение ими обряда возвращения плодородия их самцам. Вы отдаете себе отчет, какой вред тем самым нанесли их и без того снизившейся популяции?

– Хотите предъявить мне обвинение за это? – вот теперь я чуть удивилась.

– Хочу узнать, зачем вы согласились участвовать.

– Меня попросил об этом майор Волхов, с которым я состояла уже в интимной связи, – нарочно повторила я его же слова. – И я не нашла причин отказать своему любовнику.

Ну а что? Так же все и было.

– То есть это было исключительно личное одолжение, а не осознанный душевный порыв помогать людям в борьбе с вам подобными?

Пипец, перешли к моим мотивациям? Допрос это, беседа на общие темы или тест у психолога?

– А душевные порывы бывают осознанными?

– Майор Волхов озвучивал вам, какие цели преследовал, вовлекая вас в это дело?

– А здесь могут быть варианты?

Вот, значит, как, все же под Егора ты копаешь. Знать бы еще, в связи с чем.

– Безусловно. Например, он не доверял своим коллегам, в том числе и своему бывшему шефу. Или, скажем, хотел подсадить его и занять эту должность, чтобы и дальше продвигать метод тесного сотрудничества с подлунными.

– Прошу прощения, я не знаю, как к вам обращаться, но, скажите, вы лично знакомы с майором Волховым?

Угол его левого глаза дернулся самую малость. Бесит, когда вопросом на вопрос?

– Подполковник Александров, – сухо представился он и кивнул так же, очевидно, отвечая на мой вопрос.

– Господин Александров, – продолжила я, не размениваясь на автоматические “приятно познакомиться”, потому что никому тут не приятно. – Скажите, майор Волхов производит впечатление мужчины, что станет распространяться о своих планах любовнице, коих у него немало?

– В чем состояла суть ваших разногласий с кланом Войтович, что вылилось в открытый конфликт в ночь с третьего на четвертое декабря?

Да-да, я уже поняла, что вы поклонник внезапной смены темы и вопросов в лоб, подполковник.

– Насколько мне известно, в результате этого происшествия люди не пострадали, так что, в сфере деятельности отдела оно не попадает.

Лукин мне рассказал, что Хлысты просто переносили вамповских рабов крови подальше за город и вырубали, таким образом исключая из действия, так что все они живы-здоровы. Самим их хозяевам так повезло далеко не всем.

– В сфере деятельности отдела попадает любая активность подлунных, особенно та, у которой были свидетели среди рядовых граждан. Повторюсь: в чем суть вашего конфликта с кланом Войтович?

– На данный момент уже ни в чем.

– В чем же она была изначально?

– Это сугубо личные вопросы, и отвечать на них я не планирую.

– Майор Волхов принимал непосредственное участие в конфликте?

– Нет, – ответила без запинки.

Если подумать, то правда же. В самом конфликте он не замешан, на берегу присутствовал как частное лицо, а Бувье убил в качестве самообороны.

– Вы передавали майору Волхову артефакт под названием Чаша Первого?

– Нет.

– Данный артефакт на данный момент у вас?

– Нет.

– Где находится Чаша?

– Где-то на дне реки.

– Вы можете указать конкретное место?

– Нет. И никто не сможет. Чаша больше недоступна навсегда.

– Это произошло в результате ваших действий?

– Да.

– С какой целью вы сделали Чашу недоступной для призыва?

Он знает? В смысле о том, что ее нельзя было найти, а только призвать. Откуда? Спрашивать вслух, конечно, не стала.

– Сделать недоступной и было целью.

– Почему?

– Я посчитала это правильным. Слишком много силы, слишком сильное искушение.

– А вы, стало быть, искушения не испытали?

Да как-то не успела, слишком уж все быстро происходило.

– Не припоминаю. Очень насыщенная ночь тогда выдалась, знаете ли.

Следующий час, а то и больше, Александров, что называется, “водил меня кругами”. Задавал практически одни и те же вопросы с вариациями. В животе уже громко урчало, голова трещала, во рту пересохло, да и в туалет смотаться не помешало бы. Я уже готова была заявить о всех своих потребностях и просить прекратить это переливание из пустого в порожнее, как по мне, как подполковник свернул разговор сам. Просто засунул бумаги обратно в папку и поднялся.

– Мы закончили на сегодня, госпожа Казанцева.

Я не стала скрывать своего облегчения и шагнула к двери, забыв, что она заперта. Александров подошел, взялся за ручку, и вот тут я уловила некую волну. Магия. Совсем слабенькая, стояла бы я чуть дальше и не почувяла бы.

Я уже шагнула в коридор, как мне в спину прилетел вопрос:

– Вам известно местонахождение майора Волхова в данный момент?

Я обернулась, удивляясь по-настоящему и встревожившись.

– Он пропал?

– Он... в отпуске, – нарочно выдержав паузу в пару секунд, ответил новый шеф отдела. – И разве не странно, что он проводит его не с вами?

Еще как странно, пусть и не то совсем, о чем ты говоришь, подумалось мне, но вслух сказала только:

– Для майора Волхова? Нисколько.

Получив обратно верхнюю одежду и телефон, я его сразу включила, пронаблюдала, как несколько раз дернулось изображение на экране, и проверила сообщения о пропущенных. Один от мамы, Егор не объявился и перезвонить не пытался.

– О чем пытали? – спросил сразу Данила, усадив меня в машину.

– Обо всем понемногу.

– Конкретизируй.

– О моих беспорядочных связях с тобой и Волховым, – ведьмак насмешливо фыркнул, буркнув под нос “василек – демон разврата”, – о моих мотивациях помочь в сокращении и без того малой популяции чудей, о Чаше и ее нынешнем местонахождении.

– Что рассказала?

– Правду в основном. Ты же сам сказал, что откровенно врать не стоит. Да и что мне скрывать особо?

– И про сестру рассказала? – насторожился Лукин.

– Нет. Подпол прямых вопросов о ней не задавал, а я не думаю, что стоит тут проявлять инициативу. Только сказала, что конфликт исчерпан, вот и все.

– Верно, василек, хотя хрен они тебе поверят, конечно. Но чем дольше Ленка не попадет в поле их зрения, тем лучше. А то возьмут и ее в оборот, как тебя майор хитрожопый. И это в лучшем случае.

– Вот, кстати, походу они Волхова потеряли. Точнее, он сам потерялся.

– Если бы я заполучил Чашу, то тоже потерялся бы, – тихо буркнул ведьмак, вырливая с парковки, а я развернулась к нему.

Что, блин?!

– Алле! Ты о чем? – потребовала ответа. – Я же сказала, что Чаша на дне, и никому больше не достанется.

– Угу, василек, сказала, – ответил Лукин “ври больше” тоном и нарочито безразлично пожал плечами.

– А ты, стало быть, не поверил?

– Тебе не все ли равно, поверил или нет?

– Нет, не все равно. Мы же... – друзья? Ну, как бы не совсем.

Должны доверять друг другу? В нашем случае, скорее уж вынуждены, тоже не айс. Тогда уж – играем за одну команду. Пока. Опять же какая-то ненадежная почва для настоящего доверия.

– Мы же – ага-ага, – фыркнул Данила.

– Я сказала тебе правду о Чаше! – возмутилась я.

– А чего же тогда такая кислая ходишь эти две недели? И лицо такое “не подходи ближе – убью”. – Он резко крутанул рулем, перестраиваясь.

– У меня сестра не пойми где и что с ней, какой мне, по-твоему, ходить?

– То есть это не потому, что ты сдуру отдала Чашу Волхову, а он с ней потерялся, кинув тебя, ту самую, у кого к нему чувства какие-то?

Чего? Это что еще за фантазии? И после этого мы, женщины, странные и надумываем себе черте что?

– Вовсе нет! И нормальное у меня лицо, это ты сам ходишь весь такой “ты меня недостойна, жалкая недоучка и заурядная страшилка провинциальная”!

– Й-а-а-а? – теперь уж возмутился он, причем явно уже без театральщины. – Ты совсем что ли?

– Не совсем. Еще и репрессии всякие придумал типа скалолазания и верховой езды. Мало же мне и так достается каждый день.

– Какие репрессии, балда? На чем ты собираешься добираться по лесам и болотам весной за своей силой? На своих двоих пару сотен кмэ? Думаешь, тебе туда асфальт положили или хоть гравийку отсыпали? Тропинки туристические натоптали? Я вот, в отличии от некоторых, томно вздыхающих по утраченной любви унылых барышен, изучил всю доступную инфу о местности, по которой нами придется топтать, и, исходя из этого же, решил, что нам стоит подготовиться к ползанию по скалам и горам и научиться не только ездить верхом, но и седлать, навьючивать и все такое прочее. Потому как тащить на своем горбу все необходимое в дальнем походе тоже желания не имею.

– И что, даже на каких-нибудь болотоходах или квадроциклах туда никак? – скривилась я.

Может, я и родом из почти сельской местности с лесами вокруг поселка, но особой тягой к походной романтике никогда не страдала. Не мое это.

– А бензин для них мы станем вечерами из берез и елок нацеживать? Или его нам вертолетом доставлять станут? Или же нагрузимся одними канистрами, а жрать кору станем и спать в одном спальнике под открытым небом? Так, стоп, последнее опускаем, я не против.

– Ладно-ладно, я поняла, что ты молодец, все продумал, а я опять бестолочь и неумеха, – выставила я перед собой ладони, признавая поражение. – Спасибо тебе, что ты такой, дорогой мой Лукин.

– Бесценный, василек, и никак иначе.

– Бесценный, – согласилась я, а он свернул с дороги на парковку и теперь развернулся ко мне сам.

– Ну! – поднял он брови, явно выжидая чего-то.

– Что “ну”?

– А броситься на шею? А облобызать страстно в благодарности и восхищении?

– Данила, блин! – закатила я глаза и опять попалась.

Ведьмак молниеносно выкинул руку, обхватывая мой затылок и толкнул к себе навстречу.

– То есть целоваться со мной ты категорически не хочешь? – прошептал он у моих мигом вспыхнувших от предвкушения губ.

– Хочу, – созналась я просто. – Но ты своими шуточками мне весь настрой сбиваешь.

– Выходит, я сам виноват, а не долбаный майор, усвиставший хрен знает куда?

Да что же сегодня Волхов такой внезапно у всех популярный, и все как-то в связи со мной почему-то!

– А ты готов быть виноватым?

– При таком раскладе – да, однозначно, – ответил Данила чуть просевшим голосом и наконец поцеловал.

Я ни на мгновение не стала тормозить себя и запрещать наслаждаться уверенными касаниями его губ и языка. Все же целовать ведьмак умел умопомрачительно, унося меня почти мгновенно в какое-то иное пространство чистой свободной моей чувственности, которой отвечала такая же его обнаженная и завораживающая жажда. И, столкнувшись, они сливались в

нечто головокружительно совершенное. Для меня, по крайней мере, было так. Короче, плевать на слова и объяснения, просто целовался Черный Лис так, что я готова была этим заниматься сутками без перерывов на еду и сон. Преувеличение, само собой, но я все же застонала недовольно, когда он оборвал это восхитительное волшебство, оставив меня ни капли не наевшейся им. Зато внутри внезапно стало пусто и легко, будто Лукин умудрился выпить хотя бы на время давящую на меня последнее время тяжесть.

– Так, василек, я как погляжу, у нас все через одно место выходит, – сипло сказал Данила и заерзал на сиденье, поправляя себя в районе ширинки. – Старшее поколение у нас я, опять же все как есть с амурными делами и раскладом силы обстоит у подлунных я тебе растолковал, а выхлопа – ноль. Старомодная у нас выходишь все равно ты и ждешь романтических телодвижений с моей стороны. А раз так, я постановляю: сейчас мы идем есть, потом потусим чуток в интересной компании, а потом едем ко мне предаваться всяким непотребствам. И никакого, блин, петтинга в машине.

– План супер романтичный, – рассмеялась я.

– А че не так? Веник для антуражу пропустил?

– Нет, вот веников как раз не надо. Можешь мне разве что венерину мухоловку придарить в горшке, я хочу попробовать зелье от лютой лихорадки насланной сварить.

– Моя же ты девочка! Горжусь!

Ресторан, в который он меня привез, назывался “Нере́й”, и подавали там исключительно рыбу всевозможную и морепродукты.

– Рады видеть вас, господин Лукин, – просияла широчайшей улыбкой девушка, управляющая залом.

Ну само собой, любая женская особь вокруг или рада его видеть, или желает убить.

– Не сопи так, – прошептал мне на ухо ведьмак, мягко подталкивая в поясницу к нашему столику. – У меня с ней ничего не было.

– Как так-то? Упущение с твоей стороны, – ехидно фыркнула я.

– М-да, случаются в жизни успешного мужчины моменты, когда репутация начинает работать против него, – пробухтел Лукин, впрочем, явно несколько не расстроенный.

Минут через десять нам принесли не меню, а сразу готовое блюдо. Блины с икрой. Выходит, заказ Данила сделал заранее, пока дожидался меня из отдела. И слова мои еще дома мимо ушей не пропустил. Приятно ведь. Хотя это у него уже, видать, на уровне условных рефлексов истинного дамского угодника.

Люська! А ну не портить себе вечер констатацией реальности! Побуду чуток в гостях у сказки.

Креветки тоже были. Громадные, запеченные на гриле и с безумно вкусным соусом. И вино. Белое, вроде совсем легкое, как компот, но внезапно в голову било ощутимо, добавляя мне еще больше той легкости, что уже подарил поцелуй-обещание, и разжигая предвкушение.

– Спасибо за воплощение в жизнь мечты! – чмокнула я Данилу в щеку, когда мы покидали ресторан.

– Ерунда, а не мечты у тебя, василек. Начинай по-новой мечтать о чем-то масштабном, монументальном даже.

– О памятнике в полный рост из золота?

– Обо мне, бестолочь!

Через минут пятнадцать петляния по улицам в центре мы припарковались, и пришлось протопать почти полквартила под недовольное бурчание ведьмака о том, что нюх все потеряли что ли, его парковку занимать. Над заведением, в которое он меня завел, светилась вывеска “Кукарача”. Это здесь место пятничного еженедельного сбора его артели, и я, наконец, увижу, кто ее члены?

Внутри оказалась обыкновенное среднячковое кафе, где подавали все подряд, и как-то машины, перед ним припаркованные, не соответствовали внешнему виду здешних посетителей. Однако Данила провел меня через зал, не останавливаясь.

– Прямо как в кино, – шепнула я, когда мы пошли уже через кухню.

– Ага, классика жанра. Велосипедов никто не изобретал.

Нас никто не провожал пристальными взглядами, не шептался. Дошли до еще одной двери, открывшей вид на ведущую вниз лестницу, и стали спускаться. Но вот стоило распахнуться следующей двойной двери, и прямо покачнуло. Мощной волной в меня одновременно врезалась грохочущая тяжелыми басами музыка, магия, похоже, просеивающая за долю секунды все молекулы моего тела сквозь мелкое сито, и миллион всяких новых ароматов.

– Офигеть! – пробормотала, не услышав даже сама себя, и напоролась на самодовольный взгляд ведьмака, что потащил меня вперед, сквозь толпу танцующих... хм... существ, многие из которых выглядели совсем не как люди.

Глава 4

Продолжая ухмыляться, Лукин коснулся согнутым указательным пальцем моего подбородка, типа поднимая отпавшую челюсть, и я мигом себя одернула. Все же вот так тарашиться неприлично и небезопасно даже в человеческом клубе, чего уж говорить о заведении, полном подлунными. Подумаешь, у некоторых нелюдей здесь рук больше двух, видела я такое уже. Крылья тоже видела у навия, правда, тут они были за спиной у танцующих на возвышениях гоу-гоу девушек и напоминали скорее уж стрекозиные, и с них при каждом взмахе сыпалась в толпу сияющая розовым пылью, под которую охотно подставляли снизу руки и лица. Никакой одежды на девушках не было, но это не смущало никого. Ну, разве что меня, неожиданно для себя ревниво зыркнувшую на ведьмака, пытаюсь поймать его на визуальном облизывании девичьих прелестей. Потому как прелести были и ого-го какие. Я бы его даже поняла... ну самую малость.

Но, походу, на такое многоопытный Данила уже насмотрелся раньше, потому как просто продолжал пробираться через танцующую толпу, здороваясь с каждым вторым посетителем. Мне же только и оставалось зыркать, поражаясь то зеленоватой, явно не в гриме, коже, то протянутой для пожатия Лукину когтисто-чешуйчатой лапе, то витым рожкам, торчащим из буйной женской шевелюры какого-нибудь безумно фиолетового цвета.

Пройдя через весь зал, мы поднялись по лестнице на второй ярус над общим залом и нырнули в дверь одной из приват-комнат, очевидно, что оказалась на удивление большим помещением с длинным столом и массой выпивки и закусок на нем. Закрывшаяся за нашими спинами дверь отсекала грохот музыки снаружи, зато навстречу понесся приветственный многоголосый вопль.

– Лис! Явился наконец, зараза пропащая! Где ты шляется три недели? – спрашивали его одновременно мужские голоса, и я шагнула в сторону, выглядывая из-за его монументальной фигуры.

За столом, у дальней, полностью прозрачной стены и на диванах, и в креслах здесь расположились около десятка мужчин. И все они сейчас уставились на меня, внезапно умолкнув. И молчание это мне не показалось почему-то дружелюбным.

– Разве уже настало время телок? – спросил один из сидящих за столом – мрачно уставившийся на меня бритый наголо бородатый брюнет. – Ты не появлялся столько времени, и дела мы не обсуждали еще.

– Ой, да ладно тебе, Бахтало! – подскочил со своего места блондинистый красавчик, озорно блеснувший ярко-голубыми глазами с невообразимо густыми и длинными ресницами и обворожительно улыбнувшийся. – Я не против и с девок начать. Может, Даниле расслабиться край надо.

И он подмигнул мне, а я вместо того, чтобы обидеться таким откровенным потребительством в отношении женщин, испытала желание улыбнуться в ответ. Но тут же ладонь ведьмака легла мне на лоб, прикрыв на пару мгновений и глаза. И доброжелательный, это мягко выражаясь, импульс в отношении красавчика мигом рассеялся.

– Ивар, прекрати ее блазнить прямо сейчас и больше этого не делай никогда, иначе я на тебя такую хворь прыщавую в придачу с чесоткой напушу, что год избавляться будешь, – пригрозил Лукин отнюдь не полным его обычной веселости тоном. – Господа подлунные, позвольте вам представить нового члена нашей артели – юную ведьму Людмилу Казанцеву.

Теперь уж на меня все присутствующие пырились действительно недобро, и даже блондин лыбиться перестал.

– Лукин, тебе не кажется, что само определение “член артели” подразумевает необходимость наличия этого самого члена, – очень грубым, напоминающим едва разборчивое рыча-

ние, голосом заметил здоровенный длинноволосый мужчина, расположившийся за дальним концом стола, почти утонув в глубоком кресле.

Перед ним стояло гигантское блюдо с куском самого настоящего сырого окровавленного мяса и торчащими из него тесаком и двузубой вилкой тоже не стандартного размера.

– Да, Данила, у нас вроде как изначально было без баб, – поддержал его еще один участник этого собрания – низенький, кругленький очень ярко разряженный мужчина средних лет с большими залысынами и массой украшений на груди, запястьях и коротких пальцах. – Я не против них ни в коем разе в принципе, но не в делах же.

– И, тем не менее, я, как организатор артели, ставлю вас в известность, что намерен сделать Люду нашим компаньоном. И, учитывая, что участие у нас добровольное, все несогласные могут быть свободны.

Вот же гад! А я что, разве согласилась уже быть в этой его артели?

Здоровяк, первым высказавшийся против меня, порывисто вскочил, издав уже настоящее рычание, и двинулся в нашу сторону, явно демонстрируя угрозу всем своим видом. И стоя он оказался на полголовы выше Лукина и мощнее его заметно. Но ведьмак не проявил ни малейшего беспокойства, как и остальные.

– А что такого умеет Людочка, что ты так категоричен в своем желании? – вкрадчивым тоном спросил меж тем Ивар.

– Погоди, Казанцева! – поднялся из-за стола еще один персонаж – русоволосый конопатый крепыш с очень живыми зелеными, как бутылочное подсвеченное стекло, глазами. – Это не та ли ведьма, из-за которой последнее время и в клане Марии суета, и у Войтовичей переполох был? Хлысты о ней же рассказывали, помните, мужики?

– Эти Хлысты те еще трепачи, – подал кто-то еще голос. – Наплетут всякого.

– В оценке Хлыстов согласен, но и про клан Марии, и про Войтовичей все правда. – ответил Лукин, и надвигавшийся на нас здоровяк замер в каком-то метре от нас. – Так что, пораскиньте мозгами, друзья мои, и давайте еще раз: представляю вам юную ведьму Людмилу Казанцеву – нового ... – в этот момент я как можно незаметнее, но ощутимо двинула ему локтем в живот, но безрезультатно, – ...ох... нового члена нашей замечательной артели.

– Ну... – Ивар помедлил, обвел остальных взглядом и шагнул навстречу, протягивая руку. – Добро пожаловать в артель, Людочка.

– Ивареночек, Людмила и никак иначе! – рыкнул ведьмак. – Люда, это Ивар, и он у нас наделен силой соблазнения и даром наводить сексуальные и кошмарные мороки. Если он еще когда-нибудь попытается практиковаться на тебе, я с ним сделаю то, что и обещал, но все равно держись от него подальше. – Эта речь сопровождалась досадливым выдохом “да я все понял!” блондина и закатыванием глаз. – С остальными познакомишься по мере необходимости. Присаживайся.

И ведьмак, подталкивая вперед, стал обводить меня вокруг застывшего на нашем пути к столу злобного громилы. Стоило поравняться с ним, как грубиян резко повернул голову и шумно вдохнул, задирая верхнюю губу. И одновременно с этим где-то снаружи жутко грохнуло, пол под ногами взбрыкнул, отправляя всех присутствующих и мебель в полет к разным стенам.

Только приложилась лопатками, потеряв дыхание, как грохнуло снова, затрещало-заскрежетало, и я ухнула куда-то вниз. Грохнулась с воплем на что-то дико твердое, и почудилось – сломала спину в пояснице, и от боли сейчас вырубит. Но как бы не так – сверху продолжали сыпаться какие-то мелкие осколки, да еще откуда-то хлестала вода фонтаном, что взвивался вверх, прямо в пролом в потолке, и падал обратно мощным дождем. Вокруг орали, метались, стонали, молили о помощи, ползли, выли. Дышать было нечем, валил густой дым, трещала замкнувшая проводка, но сквозь весь этот ужас я различила нечто гораздо более страшное. Сухие одиночные щелчки, обрывающие голоса раненых. Даже в таком оглушенном

болью состоянии я смогла осознать что происходит – кто-то идет по разгромленному взрывом клубу и методично добивает пострадавших.

А в следующее мгновение я и увидела уже одного из палачей. Высокая фигура в камуфляже и в балаклаве, скрывающей лицо, появилась в перекошенном дверном проеме туалета, куда меня, как уже сообразила, закинуло, и, не мешкая, направила мне в лицо небольшой арбалет.

“Водица родимая, защитница моя могучая, выручай!!!” завопила я безмолвно, осознавая, что все еще не в состоянии шевельнуть ни единой конечностью.

Арбалет тренькнул спусковым механизмом, болт сорвался, но тугая струя бившей вверх воды вильнула, будто была атаковавшей коброй, и хлестнула, сбивая и снаряд с траектории, и снося самого стрелка. И почти в то же мгновение сверху прыгнул злобный громила, сцапал меня с кучи обломков и буквально сунув подмышку, как пластиковый манекен, со скоростью молнии рванул прочь.

Его рывок ослепил новой болью в поврежденной спине, я заорала, болтаясь как тряпка от его резких маневров в помещении между полуобвалившимися стенами и прыжков через завалы. Громила петлял по клубу, превратившемуся в какой-то адский лабиринт, уходя от стрелков и унося меня. То, что мы вырвались наружу, я поняла по пробравшему мигом до костей холоду. Но мой спаситель-похититель не останавливался еще какое-то время, несясь на невообразимой скорости по ночной улице, а потом так же резко, как совершал все свои маневры, сиганул влево и практически скатился куда-то вниз и в кромешную тьму.

Остановился и опустил, хотя скорее уж сбросил меня, упавшую бессильной кучей, на твердый пол. Однако перевести дух не дал, схватил за плечи, вздернул, усаживая прямо и приваливая спиной к невидимой стене.

– Где мой брат, ведьма? – зарычал он мне в лицо, обдавая запахом пива и крови.

– Кто? – шарахаться было некуда, просто стукнулась затылком о стену позади, стремясь отстраниться.

– Богдан, ведьма! Где он? – снова потребовал громила, чьи черты я потихоньку начала различать в окружающей темноте.

– Не знаю никого с таким именем, – ответила, начав лязгать зубами от холода.

Все же я насквозь промокла, а на улице морозный декабрь.

– Брешешь! – рявкнул мужик и вдруг схватил за горло.

Я, не иначе как каким-то чудом, умудрилась лягнуть его, не выбирая куда, и, вцепившись в запястье, вывернуться, освобождаясь. Спасибо все же ежедневным тренировкам-издевательствам. Вскочила на ноги, собираясь рвануть отсюда, но на этом мои успехи и закончились. Мой захватчик, не поднимаясь даже, выстрелил длинной ручищей и молниеносно ухватил за лодыжку, и вместо того чтобы побежать, я грохнулась вперед лицом, только и успев прикрыть его скрещенными руками. Судя по очень скорому и чрезвычайно болезненному приземлению, упала я на какую-то идущую вверх лестницу. Локти-ребра-колени, мамочки, больно же как! И будто этого было недостаточно, так еще и бугай-похититель навалился сверху, обездвиживая.

– Пусти, гад! – завизжала я в бессилии.

– Замолкни ты! – шикнул он мне в ухо, рванул высокий ворот свитера, придушивая, и уткнулся носом в изгиб шеи.

Я попыталась садануть его хотя бы затылком, но внезапно он отпустил меня.

– Предсмертная, – прошептал он тихо и как-то отчаянно. – Как умер мой брат, ведьма?

Я перевернулась и поднялась, привалилась к стене спиной, потому что ноги что-то подвели.

– Послушай... я не знаю твоего имени...

– Василь, – перебил он меня. – Я брат того, кто оставил на тебе предсмертную печать должника, ведьма.

– Людмила, зови так. – Я принялась шарить по карманам в поисках телефона. – И я не понимаю, о какой печати ты ведешь речь, но обещаю – мы во всем разберемся, только сначала мне нужно узнать, выжил ли Лукин, и попасть в тепло или хоть переодеться, иначе еще пять минут – и я околею или уж пневмонию точно схвачу.

– Ведьма... – произнес громилла с пренебрежением. – Вы же почти как люди обычные.

Под мой возмущенный взвизг он опять схватил меня, засовывая подмышку, как какую-то карликовую собачонку, и рванул куда-то. Пара прыжков, и мы опять на какой-то глухой и плохо освещенной улице, и ветер взялся за мое замораживание всерьез. И сразу же подал голос так и не извлеченный из внутреннего кармана телефон.

– Эй! Василь! Я могу идти сама!

– Медленно слишком, – огрызнулся он и помчался вперед еще быстрее.

– Куда ты меня тащишь?

– В тепло, – был лаконичный ответ.

Телефон запел голосом Адель снова, и я стала возиться в крайне неудобном захвате, стараясь его достать.

– Прекрати! – прикрикнул на меня Василь. – Мы почти дошли.

И, действительно, буквально через несколько секунд он затормозил перед какой-то дверью, толкнул, вваливаясь со мной внутрь ярко освещенного помещения. Низкий столик, угловой большой диван, несколько кресел, огромный телек под потолком, все стены в цветах комнатных, похоже искусственных, больно уж пышные. Пахло как-то странно. В одном из кресел развалился парень, такой же длинноволосый, как и мой похититель, что лишь мельком оторвался от экрана при нашем появлении, скользнув равнодушным взглядом.

– Где свободно? – буркнул Василь.

– Третья и седьмая, – ответил парень и таки поднял удивленно одну бровь, поглядев пристально.

Дальше меня транспортировали по длинному коридору, еще одни двери, и вот я наконец на ногах. Огляделась, понимая, что очутилась-то, похоже, в сауне. Большой стол со стульями явно для веселых посиделок, музыка ненавязчивая, стеклянная дверь в парилку с лавками, рядом открытая душевая и справа в углу бассейн. Прежде в таких местах бывать не приходилось, как-то мне не по средствам было, и знакомых, предпочитающих такой досуг, не имелось, но не узнать сложно.

– Иди раздевайся, – подтолкнул меня в спину в сторону парилки Василь и взялся стягивать свою кожаную куртку.

– Ты меня в сауну притащил?

– Ты сказала, что нужно тепло. Там... – он ткнул на стеклянные двери, – тепло. Одежду давай мне, отдам высушить.

Сейчас при нормальном освещении я смогла рассмотреть его хорошенько. Реально какой-то человек-гора, каким и показался с первого взгляда. Рост за два метра, грудная клетка как у быка, блин, ручищи с бугрящимися мускулами и ладонями – совковыми лопатами, плечи – валуны целые, черты лица как топором кто в камне вырубал. Но не урод. Совсем. Просто какой-то жуткий, излучающий нечеловеческую мощь, причем четко понимаешь – то, что и так впечатляет внешне, это лишь малость, вершина айсберга, что называется. А что скрыто – и представить страшно.

– Ты, может, хоть выйдешь? – спросила, сняв изгвазданную и порванную на спине куртку и выудив из нее наконец телефон.

Три пропущенных – два от Лукина и последний от Волхова. Надо же, объявился.

– Зачем?

– Я раздеваться буду.

– И что? Ты не привлекаешь меня, не парься. Слишком мелкая и хлипкая.

– Ну спасибо, конечно, ты тоже не образец секс-символа для меня, – огрызнулась я.

– Я не хотел обидеть. Просто объяснил, – нахмурил Василь густые брови немного озадаченно.

– Я и не обиделась, но все равно предпочла бы обнажаться в одиночестве.

– Мы должны поговорить, и это для меня срочно и куда как важнее твоей глупой стыдливости, – ворчливо ответил мужчина и отвернулся к стене. – Разденься, завернись в простынь, вон они на лавке, и иди согреваться. Я отдам высушить твою одежду, и мы будем говорить. Ты должна мне рассказать, как и когда умер мой брат, и почему на тебе эта метка.

– Слушай, я не... – Чуть не заявила, что понятия не имею о чем он, но так и зависла, не сдернув до конца мокрый свитер с головы и схватившись за то самое место, куда укусил прежде оборотень и тыкался носом сам Василь. – Твой брат был оборотнем?

Стянула-таки трикотаж и уставилась в широкую спину.

– Да, как и я, – шевельнулись мощные плечи, плотно обтянутые футболкой. Где такие размеры продают вообще.

– Вот, значит, как, – я потеряла шею, не находя на коже ничего. Зажило же уже все давно и без малейших следов, о какой метке речь тогда? – Я не уверена, что смогу тебе много рассказать. Но попробую.

– Почему не можешь?

– С меня взяли слово. Ну такое, очень особенное, понимаешь? Так что, если тот, кто его брал и этот эпизод включил в число запрещенной для разглашения информации, то я бессильна.

– Понимаю. Расскажи, что сможешь.

– Некоторое время назад, твой брат напал на меня, – произнесла и прислушалась – не появятся ли угрожающие симптомы. Но нет, ничего и отдаленно похожего на проглатывание кислоты не возникло.

– Ерунда! – развернулся ко мне Василь. – Наша семья уже два поколения не нападает на людей! Это наш осознанный выбор! Мы даже в полнолуние контролируем себя давно, но для полной уверенности все выходы из домашнего логова-убежища в опасные ночи запрещены строго-настрого.

– Это было не полнолуние.

– Тем более чужь! Уж кто-кто, а Богдан себя контролировал лучше других в стае, и ты должна была черт знает как угрожать ему, чтобы...

– Слушай, я очень сочувствую твоей потере, но если ты не готов выслушать меня и узнать, как все реально было, то не вижу смысла продолжать! Я не вру и не оправдываюсь. Ты спросил – я отвечаю.

– Прости, Людмила. Обещаю не перебивать.

– Благодарю. Так вот, твой брат напал на меня с целью убить, потому что находился под чужим ментальным контролем, как я поняла. Я стала защищаться, чисто инстинктивно используя свои силы. Опыта у меня и сейчас очень мало, а тогда и вовсе чуть было. Так что все, что случилось, как случилось. Я осознала в какой-то момент, что Богдан погибает, но при этом что-то изменилось, и моя сила как-то уничтожила ментальное воздействие на него. Освободила. А потом появилась... – горло мигом свело спазмом, и я закашлялась. Ясно, сигнал понят, никакой конкретизации и имен. – Потом в него стреляли, но в самый последний момент он прыгнул на меня и укусил. Все.

Василь молчал с минуту, уткнувшись взглядом в стену, и я даже вернулась к раздеванию, в ожидании его реакции. Хотя, может, зря. Как взбесится сейчас и размажет по стенке. На всякий случай отступила поближе к душевой и бассейну. Не факт, что смогу воззвать к нетекучей воде, но, может, хоть краны сорвет и отвлечет.

– Когда это случилось? – скрипуче спросил оборотень.

– Больше месяца назад.

– А пропал Богдан в августе. Выходит, его где-то держали столько времени. Он был жив, а мы его не нашли.

– Я сочувствую. Поверь.

– Поверю. Ты ведь, так вышло, стала освободительницей для моего брата. А для нас это важно настолько, что мало кому можно объяснить даже. Неволя для оборотня – ад при жизни, и любой из нас предпочтет ей смерть. Потому и метку долга Богдан на тебе оставил. Сам он тебе добром отплатить за дар свободы уже не мог, так что завещал нам, своей семье.

– Ничего себе, – опешив, я снова потеряла шею. – Но послушай, ты и так мне уже отплатил, вытащил из-под огня считай, так что мы кви...

– Нет, в клубе ты и сама себя защитила. И нет смысла спорить на эту тему. Пока метка не сойдет – долг на мне. Я его принимаю отныне и до конца. Привыкай, Люда, что я теперь поблизости буду.

– Да ну офигеть вообще! – выдохнула сокрушенно и принялась-таки набирать Лукина. – Такого мне еще не хватало только!

Глава 5

– Цела, – отрывисто рыкнул ведьмак мне в ухо, даже не спрашивая, а как будто угрожая. Мол, только попробуй опровергнуть.

– Да, я в поря...

– Где? – оборвал он меня.

– Ты сам цел?

– Люська, не беси, – прозвучало совсем не в его обычной манере вечного насмешника. –

Где?

– Мы где? – адресовала я его вопрос оборотню.

– Лукин? – в свою очередь уточнил громила. – Сауна на Малой Торговой, скажи. Он знает.

– Са... – начала я, но он опять не стал слушать.

– Не вздумай никуда оттуда уйти! – приказал Данила и отключился.

– Спишь с ним? – последовал бестактный вопрос.

– Это не тво...

– Не влюбляйся в него только. – Да что же такое, мне слова сказать не дают!

– Опять же, это не твое дело.

– Сейчас – мое. Пока я у тебя в должниках, ты мне, считай, сестра родная и даже ближе.

Лукин мужик нормальный и местами очень крут даже, но своей сестре я бы с ним мутить не позволил. И ты спать – спи, бабы им в этом смысле всегда очень даже довольны, но не люби.

– Знаешь что...! – возмутилась я, ткнув в него пальцем. – Не лезь ко мне со своими советами. И эту ерунду с долгом прекращай! Мало мне одного опекуна-мучителя, так еще кто-то!

Я наконец направилась в парилку, хотя уже и так, похоже, разогрелась дальше некуда. Какого черта вообще! Только взялась за ручку на стеклянной двери, как послышался какой-то шум, и Василь одним прыжком через стол оказался снова рядом со мной, загоразивая от чего бы там ни было своей монументальной фигурой.

– Василь, я ему сказал, что ты с девкой... – послышался возмущенный голос того самого патлатого парня из предбанника.

– Отошел от нее, оборотень, или пристрелю на месте и твоего братца, и тебя! – А вот это уже голос Волхова, на который я тут же выглянула из-за бока Василя.

– Привет! – приветствовала я его.

Весь в черном, от кожаной куртки до перчаток, и, почудилось, какой-то слишком бледный, гораздо сильнее прежнего. Уткнул ствол пистолета в висок парня, что, однако, не выглядел слишком испуганным.

– Что он сделал? – спросил у меня вместо приветствия.

– Ничего Василь с ней не делал такого, я тебе сразу сказал, что он не по этим делам, – косил захваченный на майора взглядом. – Она добровольно с ним пришла!

Брехун патлатый.

– Со мной все в порядке! Василь мне помог. Я промокла, и мы здесь чтобы согреться.

– Вон! – оттолкнул Волхов от себя молодого оборотня и двинул стволом, приказывая убраться и старшему, что хранил молчание до сих пор.

– Я могу тебя оставить с этим? – невозмутимо уточнил Василь, совершенно забывая на направленное на него оружие.

– Конечно, можешь. Он мой друг.

Угу, по крайней мере, называл себя им еще совсем недавно.

– Ладно. Потом остальное обсудим, – кивнул оборотень и вышел, явно нарочно задев Егора в проеме мощным плечом.

– Ничего не меняется, да, Люда? – начал вроде спокойно майор. – Ты опять попала в неприятности, осталась мокрой и нуждаешься в тепле?

– Уже знаешь о клубе?

– Конечно, я знаю. – Он сделал пару шагов ко мне и остановился, хмурясь и как будто к чему-то прислушиваясь.

Я тоже быстренько оценила свою внутреннюю погоду. Полный штиль, однако. Что, псевдо-удавиха моя, если больше нельзя его жрать, то и шевеления не стоит?

– Знаешь или участвовал? Это что, новая политика отдела в отношении подлунных? Тотальное уничтожение?

– Ты забыла, девочка, что моя работа вопросы задавать, а не отвечать на них. – Егор подошел еще ближе, останавливаясь напротив, и уставился мне в лицо неотрывно.

– И все же! – Вперла я в ответ пристальный взгляд.

Он вдруг поднял руку и провел пальцами по моей щеке. Силе было наплевать. Мне – нет. Я помнила его касания и тепло рук.

– Что-то не слишком твой магический фокус с Чашей сработал, – тихо сказал Волхов, проведя нежно по моей щеке еще раз. – Тянуть к тебе меня не перестало, девочка, хоть все уже и не так критично.

– Ты мужчина с нормальными инстинктами, я – полуголая женщина, стоящая перед тобой, так что все естественно, думаю, – ответила, отступая от него. – Я просила Чашу освободить тебя от зависимости, порожденной воздействием голода моей силы. И ты заговариваешь мне зубы.

– Я не участвовал в нападении на клуб. Это не новая политика отдела, по крайней мере, официально, – ответил-таки Егор на мои вопросы в порядке очередности. – Какой цели добились нападавшие, мне не известно. Пока. Но я очень, черт возьми, хотел бы знать, что ты там делала именно в этот момент.

– Мы с Данилой просто пошли в клуб. Развеемся немного. – Про знакомство с членами артели я умолчала. Я вообще не обязана перед ним отчитываться.

– И почему я тогда нашел тебя в озвученном тобою же полуголом состоянии в обществе оборотня? Что, Лукин внезапно уже в отставке, и ты в поисках новых сексуальных приключений?

– Заманаешься ты моей отставки дожидаться, майор, – заявил бесшумно появившийся в дверном проеме ведьмак.

Волосы, лицо, одежда – все в пыли и местами в крови, но ран на нем вроде не видно.

Он прошагал прямо ко мне и демонстративно принялся осматривать сначала рассаженные ладони, а после, повернув к Егору спиной, развернул и простынь, обзрев всю.

– Василь, сука! А поаккуратнее нельзя было?! Она же вся в синяках и ссадинах теперь! Люська, где еще болит?

– В основном, спина. Я на нее упала после взрывов. Кто-то мне объяснит, что же случилось, и кто напал?

– А то не понятно кто! – буркнул Лукин, зыркнув через мое плечо на Волхова.

– Отдел ни при чем.

– Ну да, так мы и поверили, – фыркнул презрительно Данила, заворачивая меня обратно.

– Мне абсолютно безразлично, во что вы верите. Я просто знаю, что все именно так. Мы не проводим таких громких акций.

– Вот, кстати, какого черта ты здесь, майор, а не суетишься на руинах?

– Я в отпуске. К тому же к отделу то происшествие имеет косвенное отношение. Если это было нападение подлунных на подлунных же, то нас это не касается, если среди случайных жертв не окажется людей.

– А если это какие-то психи-люди напали на подлунных, то вам тем более насрать, да? – язвительно спросил Лукин.

– Единственное, что касается отдела в этой ситуации – нельзя допустить обнаружения тел существ без морока. Обывателям совсем не нужно знать, что рядом с ними живут подлунные в таком количестве. Так что, там сейчас все быстро зачистят, пока журналистов толпа не набежала. А тебе, Людмила, стоит хорошенько подумать о том, что практически каждый раз, когда выходишь куда-то в обществе этого ведьмака, ты влипаешь в неприятности.

– А я считаю, что ей лучше задаться вопросом – как ты тут так быстро оказался. Прямо чертиком из табакерки выскочил, а как ее в отдел на допрос возили – что-то не дозвониться было.

– Давайте прекратим, а? – попросила я обоих и, обойдя Данилу, доковыляла до мягкого дивана в углу и со стоном уселась на него. Да, спине реально досталось. – Важно выяснить сейчас, кто и зачем напал, а не кто кому неприятен больше.

– "Неприятен" не синоним "опасен" для твоей жизни, Люда, – возразил майор. – Но ты права.

– Да про опасен чья бы мычала, – огрызнулся Лукин. – А кто напал, выяснять – его работа, вот пусть и занимается. А мы сваливаем домой, василек.

– Да-да, ты сам сказал, что отделу пофиг. А нам нет. Если напали целенаправленно на подлунных, то что теперь? Ходить, бояться и оглядываться?

– Дома сидеть! – синхронно в два голоса прозвучало от ведьмака и майора.

– Не может не радовать единство ваших мнений в данном вопросе, ибо это первое, в чем вы согласны друг с другом, – фыркнув насмешливо, заметила я. – Я прямо горжусь собой и вообще не против. Пожить немного без ежеутренней беготни по сугробам и сеансов изощренных издевательств, по ошибке называемых тренировками, я совершенно не против. Как раз наконец ремонтом займусь.

– Отменяются временно только сугробы, Люська, и тренера мы сменим, будет на дом приходиться. Что-то не впечатлен я прежними результатами, раз тебя Василь смог так запросто утащить.

– Ты издеваешься? Ты его видел вообще? Он огромный!

– Ни черта не довод.

– А меня по-прежнему интересует, с какой целью оборотень это сделал. По доброте душевной или ты его к Людмиле приставил?

– Никто его не приставлял. Он мой должник. Как бы.

– А я ведь спрашивал – нет ли у тебя еще для меня каких-нибудь сюрпризов, василек, – закатил со вздохом глаза Лукин.

– Это был сюрприз и для меня вообще-то!

– Причина? – обрубил наши с ведьмаком препирательства Волхов.

– Ты знаешь, хоть и отказался тогда мне верить, – ответила я ему. – Эпизод у кафе “Фаиз”.

На лице майора, естественно, осознания собственной неправоты не отразилось. Он просто кивнул и, развернувшись, пошел на выход.

– Егор! – окликнула его я. – А ты ... – Где был? Ага, он прямо такой любитель поговорить о себе. – Зачем приходил?

Он притормозил, несколько секунд глядел на меня и, буркнув “я на связи”, ушел, и не подумав ответить. Ну, я не особенно-то и надеялась. Проводив его глазами, отвернувшись, сразу нарываясь на цепкий взгляд Лукина.

– Тебе бы помыться и переодеться, – сказала ему.

– Вот домой приедем и помоемся. Я сейчас сумку с твоей сменкой принесу из тачки, а ты постарайся не найти за пару минут поводов заставить меня охре... удивиться, блин.

И зыркнув на меня в стиле “ух я тебе!”, он вышел, а в дверном проеме тут же встал Василь.

– Я так понимаю, заводить речь о том, чтобы ты временно переселилась в наше логово-убежище, не имеет смысла, – пробасил он. – Придется тогда мне поселиться у твоего дома.

– Что значит поселиться? Где? В сугробе или подворотне?

– Насчет холода не переживай.

– Слушай, Василь, наверняка можно что-то сделать с этой меткой, свести ее как-то. Вон Данила вернется, и мы спросим, он должен знать наверняка.

– Подобная вера в своего любовника не может не восхищать, – ухмыльнулся здоровяк. – Но дураком-то его не считай. Заполучить в должники оборотня и пытаться избавиться от этого, особенно учитывая твое положение изначальное в мире подлунных – это совсем-совсем неумно. Да не парься ты так! Это же не навечно. Как только магия метки сочтет долг исчерпанным, только ты меня и видела. А судя по тому, что я тут успел услышать, опасных приключений у тебя хватает, а значит и поводы не заставят себя ждать.

– Отойди, а! – велел из-за его спины Данила.

Вошел и кинул на диван сумку с камуфляжем, что теперь хранилась в его машине на постоянной основе.

– Ладно, тогда я сейчас тебя до дому сопровожу, а потом к себе, дела подобью, – отступил в коридор оборотень.

– Есть кому сопроводить, – огрызнулся Лукин. – А по поводу твоей службы завтра перетрем.

– Обойдешься, Лис. Я ни к кому в услужение не нанимаюсь. И тереть только с ведьмой и стану. При всем уважении к тебе. Бывайте! Нескучной вам ночи, любовнички!

– Да твоими стараниями, дуболомище, единственная сексуальная игра нам сегодня доступная – это обнять и плакать!

– Ага, не благодари! – донеслось уже из коридора.

– Да ну твою же во все места! – прошипел за моей спиной ведьмак, когда я этой самой спиной к нему и повернулась, начав одеваться. – Синяки и ссадины на женском теле – это жуть, а на теле женщины, которую хочешь – прямо, сука, способ бесконтактной кастрации.

– Прости уж, я сегодня точно для пикантного продолжения вечера не гожусь, – оглянулась на него я, усмехаясь.

– Не расслабляйся, василек. Мы сейчас к тебе поедем, и я одну классную штучку сварганю. Магия твоего дома плюс она – уже утром будешь готова к употреблению.

По дороге я кривилась на каждой кочке, а уж когда Данила потащил меня из салона, быстро обойдя машину, не выдержала и тихонько заскулила. Больно-то как!

Только подошли ко входу в арку, как у стоящей у обочины машины распахнулась дверца, и в загоревшемся освещении мы увидели незнакомую женщину. Она торопливо выскользнула на улицу и махнула нам рукой, сверкнув в свете фонаря камнями во множестве колец.

– Эй, постойте, пожалуйста! – крикнула она. – Мне очень нужна госпожа Рогнеда! Я приезжаю уже пятый раз, но ни разу ее не застала. Вы не подскажете, где она и как связаться?

– Никак, если вы, конечно, не медиум, – не слишком дружелюбно ответил ведьмак. – Чего хотели-то? Приворот? Любовницу мужа молодую со свету сжить?

– Я... то есть... – женщина слегка смутилась, но быстро взяла себя в руки. – То есть госпожа Рогнеда больше не принимает?

– Очевидно нет, если она отдала концы почти два месяца назад.

– Данила! – шикнула я на него.

– А что же мне делать? – явно сильно расстроилась незнакомка. – Мне нужно... нужны услуги особого характера, понимаете? Очень-очень нужны. Вы не можете мне подсказать, к кому обратиться?

– Я четко спросил, какого рода услуга нужна, – раздраженно ответил Лукин и выудил из кармана визитку. – Не наводите тень на плетень, нам не до того сейчас. Завтра звоните и говорите четко, чего надо. Я, может, подскажу, к кому обратиться.

– А вы тоже... ну, по этой части? – понизив голос, спросила посетительница. – По магии в смысле.

– Тоже.

– Ну, может, вы выслушаете меня сейчас? Это недолго, и я сильно переживаю. Пожалуйста! Я знаю, что ваше время дорого, я готова платить. Деньги не проблема, только выслушайте хотя бы! – уже откровенно взмолилась она.

– Послушайте... – начал Лукин, но я его перебила.

– Входите и рассказывайте, но мы вам ничего обещать не станем и денег пока никаких не возьмем.

Ведьмак вздохнул и пробормотал нечто явно матерное сквозь зубы, но спорить не стал.

Судя по тому, насколько уверенно дама в мехах направилась в сторону приемной, едва оказавшись внутри, ей действительно случилось быть клиенткой Рогнеды.

Сцепив зубы, я уселась в кресло и кивнула ей.

– Простите, мне как к вам обращаться? – спросила она.

– Людмила, – удовлетворила я ее любопытство, а вот ведьмак упрямо промолчал, глядя крайне недовольно.

Ну вот и чего это он? Тут же его любимая ситуевина – деньги сами пришли, а он смотрит сычом.

– Ой, надо же! Мы – тезки! Госпожа Людмила, дело в том, что я долгое время... э-эм... обслуживалась у госпожи Рогнеды. Она мне помогала в ситуации с бывшим мужем.

– Ну, так и знал, что приворот какой-нибудь, – процедил сквозь зубы Лукин.

– Нет. Она сделала отсушку моему бывшему от меня. Так сложились обстоятельства, что я встретила другого мужчину, а муж не готов был меня отпустить.

– И что? Не сработало? – спросил ведьмак вместо меня.

– Что вы, сработало и прекрасно! Но дело в том, что мне кажется, с ним что-то случилось. Что-то плохое, – она принялась рыться в своей сумочке. – Вот, смотрите.

И она выложила на стол нечто, завернутое в льняную тряпицу с растрепанными краями. Отогнула край, и взгляду предстала маленькая штучка, что больше всего напоминала разорванное надвое кольцо, которое после спаяли так, чтобы края разломом на обеих частях смотрели в противоположные стороны. Цвета предмет был почти полностью черного, только едва-едва сквозь нее проглядывало золото.

– До зарядки отсушающего амулета еще почти год, а он погас и почернел.

Глава 6

– А старуха-то была ой какая ушлая, – едва слышно насмешливо пробормотал мне в затылок Лукин, навалившись на спинку моего кресла. Но наша гостья его все равно услышала или же догадалась.

– Послушайте, я не какая-то полная лохушка в подобных вопросах, чтобы вы понимали. И я знаю, что отсушку при обычных обстоятельствах делают единожды и насовсем. Так же, как и снимают разом. Но у меня и бывшего мужа особые обстоятельства. До госпожи Рогнеды я обращалась к другим... эм... специалистам, но они помогали мне только временно. А вот уже госпожа Рогнеда смогла установить, что мы с Сергеем друг другу по судьбе, вот и не удастся его отвернуть от меня насовсем, через время чувства возвращаются. И она же и изготовила для меня этот амулет, отталкивающий бывшего мужа, который хоть и приходилось заряжать периодически, зато сбоев он не давал.

– Хм... – озадаченно посмотрела я на гостью. – А мне казалось, что все – наоборот хотели бы найти того, кто им по судьбе, хоть я и не слишком верю в это. А вы нет? Извиняюсь сразу за бестактность вопроса.

Людмила вроде как насторожилась, заметавшись взглядом от меня к Лукину, очевидно усомнившись в моей магической квалификации после такого вопроса. И опять же странное дело – Данила не зашипел на меня, упрекая, что палюсь так откровенно в неопытности.

– Так уж вышло, что с Сергеем мне не хватало... насыщенности в определенных аспектах. В интимных. Он надежный, готов для меня на все, но в этом плане очень... спокойный. А я – нет. И вообще. Судьба судьбой, а сильные чувства – это другое.

– Ага, мы уже все поняли. И про чувства, и про амулетик с подзарядкой. Переходите к делу, мадам, – в голосе ведьмака буквально похрустывали острые льдинки. – Я так понимаю, бывший супруг сорвался с вашего запасного аэродрома?

Запасного? Погодите, это он о чем? Неужели Людмила с Рогнедой придумали этот финт с амулетом на магической подзарядке, чтобы, что называется, и рыбку съесть, и косточкой почечать где надо? То есть полную отсушку не сделали не потому, что предназначение по судьбе не пересилить никакой волшебной силой, а затем, чтобы придерживать бывшего мужа на всякий пожарный. На тот случай, когда те самые “сильные чувства” и насыщенность в интимных моментах поутихнут, и нужно будет вернуться обратно к надежному, безотказному и спокойному. Гадко это как.

Посетительница смутилась, опустив глаза и затеребив мех своей дорогой шубки, но быстро справилась с собой и с вызовом зыркнула на ведьмака.

– Вы мужчина, и вам, конечно, сложно меня понять, – практически огрызнулась она.

– Поверьте, мне как раз очень просто. А вот госпожа Людмила у нас еще не обросла достаточной коркой цинизма и практичности, так что в ваших интересах быстренько нарисовать трагедь и изобразить заботу о ближнем или вангую: вам укажут на выход.

– Я... – вскинулась гневно гостья, но Данила осадил ее.

– Вы очень-очень вряд ли найдете кого-то с более мощными силами, чем Людмила. Так что вперед, начинайте плакать.

С одной стороны у меня возник импульс одернуть ведьмака, напомнив, что какая бы она там ни была, но женщина, и так откровенно хамить не стоит, но я слишком устала, и все болело, так что молча просто наблюдала и слушала.

– Но я ведь действительно переживаю, тут никакого притворства! Вы же видите, что случилось с амулетом. Это же не просто так.

– Не просто, – согласился Лукин. – Дело в том, что некоторое время назад старушка Рогнеда прекратила свое брненное существование. А, значит, угасание амулета может быть пря-

мым следствием этого, если она, как я понимаю, сделала эту штуковину напрямую активно связанной с собой.

– Если так, то почему же Сергей не предпринял попытки вернуть меня, как случилось раньше?

– А вы не думали, что ваш супруг тоже додумался воспользоваться услугами кого-то из нашего цеха и избавил себя от этой самой роковой страсти к вам? Ну или его нынешняя пассия это сделала. Или вы его еще и полностью возможности хоть какую-то личную жизнь лишили на всякий случай?

– Я не какая-то собака на сене. Ничего такого я не делала. А девок его я знала. Тупые все как пробки, страхолюдины и деревещины, мозгов у них бы на что-то такое не хватило бы. Не собака на сене, да-да, ухмыльнулась я про себя.

– Поверьте, вы сильно недооцениваете деревенщин, желающих надежно зацепиться в городе, – вставила, прочистив горло.

– И что, они могли сделать нечто такое, чтобы Сергей не узнал меня при встрече? Меня?! Вот уж во что я ни за что не поверю.

– Магия – могучая штука. Не вижу тут ничего невозможного, – ответил ей ведьмак.

– А я вижу в этом нечто совершенно возмутительное и требующее немедленного вмешательства! – Людмила вскочила и, щелкнув замочком сумочки, выудила из нее пухлую пачку купюр. – Верните все как было! Я заплачу сколько скажете!

– Людмила, а вам не кажется, что это просто гадко? – не выдержала-таки я. – Вы живете в свое удовольствие, придерживая при этом в резерве такого же живого человека, как будто он вещь.

– Я ему по судьбе!

– Это не мешало вам поступить с ним подло. И теперь, когда этот человек, возможно, нашел способ избавиться от вас и вашего влияния и зажить нормально, даже может счастливо, вы приходите к нам и требуете вернуть как было? Это. Гадко!

– Я готова платить! И не нуждаюсь в ваших оценках своих поступков!

– Что же, а я вот не готова брать за такое деньги. Забирайте их, уходите и забудьте сюда дорогу.

– Да как ты смеешь, девчонка сопли... – она зашипела змеей, но осеклась, нарвавшись на мой прямой взгляд.

– Прости... про... простите... – тут же сорвалась в слезы осточертевшая визитерка. – Ну, помогите мне, пожалуйста! Я чувствую, что с Сережей что-то случилось, понимаете? Он не узнал меня, и взгляд у него был... жуткий. А еще он все свои активы и имущество распродает, понимаете? Он свои предприятия с такой любовью поднимал, жил работой. Я, может, потому и... А сейчас все продает!

– То есть все идет к тому, что возвращаться вам будет некуда, – язвительно констатировал Лукин. – С этого бы рассказ о беспокойстве и начинали бы.

– А что тут такого? Я право имею!

– Так! – хлопнула я ладонью по столу, обрывая новый виток скулежа, и скрипнула зубами от жжения в стесанной коже. – Вы уходите, Людмила. Сейчас же.

– Но...

– Но оставляете мне координаты вашего бывшего супруга. Мы с коллегой на него посмотрим, когда сможем, и решим, станем ли помогать. Не вам! – пресекла я ее попытку поблагодарить. – А человеку, если он в этом нуждается. Прощайте.

И, поднявшись со стоном, я побрела к выходу, не обращая больше внимания на слова женщины, ощущая во рту мерзкий привкус после этого разговора и острое желание искупаться.

Данила прав – я недостаточно обросла цинизмом, чтобы воспринимать такое без эмоций. И не факт, что когда-то обросту. На такое нужны наверняка годы и годы. И хотеть, очевидно,

нужно подобного, стремиться. А я пока не понимаю, зачем хотеть очерствевшую в ноль душу и окаменевшее сердце. В чем смысл дальнейшего существования тогда? В накоплении опыта и богатств?

Поднимаясь по лестнице, я на полпути встретила слугу в образе мини Делона.

– Ой, матушки-батюшки, опять ироды окаянные хозяйку измордовали! – всплеснул он ручками, махнув кружевными манжетами на рукавах. – Да чтобы их подняло, расперло да размазало, чужеядов насупых! Да чтобы им не елось-не пилося-от кошмаров не спалось, вымескам окаемым! Да чтобы...

– Алька, тормозни! И так голова уже раскалывается, – взмолилась я, останавливая этот поток гнева. – Я мыться и спать.

– А кушать как же? Я же глаз не смыкал, рук не покладал, ноги сбивал! – взвился слуга. – Щи наваристые готовил и ядрицу по-боярски! Разве ж тебя таким в этих ихних ресторациях бобынявых и кабаках фуфлыжных накормят, хозяйка? Гречу крупинка к крупинке выбирал, грибочки в семи водах мыл-мочил, капустку для щей сам рубил-солил, а хлебушек какой испек, ммм! Дух разве не чуешь по всему дому?

Невзирая на усталость и все пережитое, в желудке от его слов громко заурчало.

– Все равно я сначала отмыться. Потом посмотрим.

– А этого еще... гостя твоего зачистившего кормить без тебя надо? – обзывать и вести себя откровенно недружелюбно по отношению к ведьмаку Алька перестал, но любовью и гостеприимством не проникся.

– Надо, Алька. Он мне сытый и здоровый нужен.

Ага, подлечить быстро и обласкать обещал. А мне и то, и другое нужно. И второго внезапно прям сильно-сильно хочется.

“Окуни-и-ис-с-сь-погрузи-и-ис-с-ь с-с-силой целе-е-ебной напитка-а-айс-с-ся” запела-зажурчала вода, едва я сунула пальцы под струю, настраивая температуру.

С долгим стоном, что начался как болезненный, но под конец стал блаженным, я улеглась на дно только начавшей наполняться огромной ванны. Вода не просто обтекала меня, согревая места ссадин и ушибов, а как будто даже разминала, как если бы там умело касались невидимые пальцы. После моих тренировок я тоже ощущала нечто подобное, но не так отчетливо. Хотя тут дело наверняка в том, что повреждения тогда были не такие значительные и чувствительность, соответственно, меньше.

– М-м-м, кайф-то какой, – протянула я, закрывая глаза, наслаждаясь тем, как постепенно утихает боль в ушибленной спине, как исчезает жжение в ссадинах.

Лежала и лежала, впитывая непрерывный шепот-журчание и отстраненно отслеживая поразительное ощущение того, как говорящая со мной живая жидкость не только омывает мою кожу, но и непостижимым образом проникает сквозь нее, будто проходя свободной волной от макушки до кончиков пальцев, и вымывает не только боль, но и негатив, зацепившийся за разум и душу от происшествия в клубе и от визита гадкой бабы, а еще усталость и воспоминание о холоде. Стало так хорошо-хорошо, тихо, тепло, уютно, ничего не нужно, вот так бы лежать и лежать, не нуждаясь ни в ком и ни в чем, даже в новом вдохе. Звуков нет, забот не существует, единственное движение – мягкое течение, что укачивает как дитя в колыбели.

– Да блин! – выдохнула досадливо, резко выныривая из накрывшей полностью воды и садясь. – Нельзя так делать! Нельзя!

Я погрозила содержимому ванны пальцем, хоть и понимая, что это бесполезно. Вода никогда не перестанет пытаться заполучить меня всю и насовсем, это я уже успела понять. Как и я, похоже, не смогу перестать подспудно желать в ней полностью раствориться. Видимо, так работает наша связь. Может, с получением полной силы это как-то изменится, или я смогу влиять, запрещать эти заманивания? Кто бы знал.

– Да уйди ты с дороги, поперешник бестолковый! – услышала я голос Лукина из-за двери.

– Не велено было пушать. Кормить велено, а пушать бельма бесстыжие пятить на преле-сти хозяйские – нет.

– Пялить? Ага-ага! – хохотнул ведьмак. – Обещаю, бельма почти участвовать не будут. Серьезно, отвали с дороги, ветрогон деловой, и вали спать в свою конуру, нам с твоей хозяйкой пока любопытные зыркалы по углам ни к чему.

– А ты мне не господин, чтобы указаниями кидаться! Хозяйка не прикажет – не пушу. Совести у тебя нет, буслай ты бешеный! Утянул из дому целую-здоровую, а обратно привел всю замордованную-битую, да еще теперь с удом своим прешь неугомонным! Думаешь, не знаю я, что задумал ты, шинора волочайная?

– Тьфу, королюбый ты какой! – подключился к спору густой бас домовика. – Не твое то дело все, потатуй тьмонеистовый! Зелье он несет целебное хозяйке, как творил его – сам видел и гридиенты искать пособлял! Ишь ты, встал поперек, мохнаткин страж зряшный! Чай, хозяйка сама не без ума, в своем дому решать ей одной, когда яриться, а когда гнать полюбовника!

Я собралась оборвать эти вечные препирательства сразу, но почему-то замешкалась, вдруг осознав: да не напрягает меня все это. Наоборот, это вроде как повышает уровень моего нового комфорта и уюта, где эти их забавные контры стали неотъемлемой частью быта. Частью моего нового дома, его атмосферы. У каждого человека, наверное, есть этот кокон уюта, в котором он рос, но однажды наступает момент, когда появляется иной, уже твой личный. Может, вовсе и не похожий на тот, изначальный, но и не должен же. Ведь ты – не твои родители, как бы ты их ни любил. И для тебя комфортно и нормально другое. Вот в моем “комфортно” – перманентные забавные склоки домашней нечисти и Лукина.

Блин. Это что, я внезапно ведьмака тоже как-то причислила к составляющим атмосферы моего дома? Не напрасно ли?

– Эй, кончайте там эту махровую похабщину, я не оглохла и не в анабиозе! – все же вмешалась, не сумев не засмеяться я. – Алька, иди спать. Никифор, ты тоже. Данила, заходи.

– Съел? – гуднул насмешливо домовой.

– Смотри, как бы тебе тоже не объесться, маракуша суемудрый! – огрызнулся Алька, но явно уже далеко от двери.

– Обратила бы ты его в пса, василек, – ворчливо посоветовал вошедший в ванную Данила. – И так только и делает, что рычит да гавкает, пустозвон.

Он был обнажен по пояс и босиком. В руках большая кружка с поднимающимся над ней опалесцирующим паром.

– Собакен мне кушать готовить не сможет, – ответила, проходясь по ведьмаку от ступней до лица бесстыжим взглядом. – А у меня пока кухни нормальной нет.

Данила понимающе ухмыльнулся, присел на бортик ванны, протянул мне кружку.

– Давай, Люсь, мелкими глотками, но до дна. Мой же готовит, ты же ему велишь только при нас псом ходить, а работает пусть в обычном облике.

Я понюхала питье, остро пахнущее травами и медью, скривилась, но покорно выпила, как было велено. Под конец стало перехватывать дыхание, но Лукин настойчиво придержал кружку, не давая остановиться.

– Моя же ты умница! – похвалил он, убирая посудину, и его голос прозвучал как-то гулко, будто он в пустую бочку говорил, но эффект был недолгим. Станным образом гулкость звучания трансформировалась в щекотную вибрацию во всем теле, а потом меня всю залило расслабляющим жаром. Он пронесся по мне ураганом, и даже трянуло чуток, однако почти сразу схлынул, и осталось только легкость и небольшое опустошение, ну точно как от небольшой дозы алкоголя. – Помыться к себе-то пустишь?

– Только помыться? – вылетело из меня раньше, чем сработали тормоза разума.

– Ух ты! А зельице-то я сварганил, видать, забористое, – фыркнул Лукин, не мешкая сдернул джинсы вместе с бельем, сверкнув индикатором полной боевой готовности, и, опер-

пшись на руки, так чтобы очень эффектно забугрились мышцы, опустился в воду, усевшись в противоположном углу большой ванны.

А я подумала, что раз те самые пресловутые тормоза сразу не сработали, то и пусть пока идут к черту, и скользнула к ведьмаку, садясь лицом к лицу поверх его бедер. Данила шумно выдохнул и откинул голову на бортик. Отказывается встречаться взглядами? Это что, такая форма отказа? И то, что сейчас тяжело пульсирует между нами, не в мою честь?

– Я даже не спросила, как ты после того ужаса в клубе, – тихо сказала, обхватывая его шею и прижимаясь губами к уже успевшему стать чуть колючим подбородку.

– Ну, все же части тела на месте, как видишь, василек, так что в порядке. – Голос ведьмака огрубел, но он и не шевельнулся обнять меня в ответ или хоть как-то проявить заинтересованность. – Меня вторым взрывом оглушило, а пока очухивался, тебя Василь уже спер. Сукин сын!

– Да брось, он нормальный, хоть и напугал поначалу, – пробормотала, пройдясь поцелуями от его скулы вниз к горлу с нервно ходящим ходуном кадыком.

– Тебя напугал? – сильное тело напряглось подо мной, Лукин слегка согнул колени, вынуждая окончательно столкнуться грудь к груди и таки взбрыкнул подо мной, отчего меня прошило острым импульсом удовольствия и выгнуло. Он же вернул мне мою недавнюю ласку, загреб мокрые пряди, не позволяя опустить голову, и прошелся краткими жгучими поцелуями по коже шеи. – Это я едва не обосрался, когда не нашел тебя сразу. Я вот сейчас мозгами понимаю, что ты не виновата, но знаешь, как хочется...

– О-о-ох! Чего? – выдохнула, опуская веки и изгибаясь еще сильнее, чтобы получить еще больше давления твердой плоти внизу, и позволяя рту Данилы добраться до моей груди.

– Пороть и карать! – рыкнул он, царапнул щетиной между грудей, но не поцеловал, а вскинул голову и почти отпустил мои волосы, позволяя наконец нашим взглядам встретиться. – Василек, что это, а? Сила оголодала?

Меня уже изрядно раскачало волнами возбуждения, и я тяжело дышала, но честно прислушалась к себе.

– Нет. Она, походу, вообще вроде бы как спит, – глядя прямо в его глаза, ответила не скрывая ничего.

Все же глаза у него потрясающие, радужка такая темная-темная сейчас, об обычном карем цвете напоминают только крошечные золотистые искорки. Веки отяжелевшие, взгляд сквозь густые ресницы тоже тяжелый, буквально втекает в меня от такого прямого визуального контакта, подобно расплавленному камню вулканической лавы, и поджигает все и так разогретое на своем пути. Новый уровень возбуждения, такой, где ничему осмысленному или сдерживающему не место. Не выдерживает оно таких температур.

– Значит, сейчас только ты и я? – вопрос Лукина вместе с дыханием перелит из уст в уста и тут же возвращен мною.

– Здесь только ты и я? – Только два голых вожеления, ни амбиций, ни обменов дашь на дашь, ни обольщения, ни хитрости?

Сильные руки подхватили меня под ягодицы и приподняли, чуть сдвигая, позволяя его плоти безошибочно отыскать вход в меня, и безжалостно рванули назад, заставляя ослепнуть и закричать от мощи первого вторжения.

– Здесь – только я, василек. – Сиплый шепот мне в кожу – последнее предупреждение и шадящее краткое промедление перед тем, как начать сжигать окончательно жесткими пронзающими толчками.

Горела, полыхала, металась на нем, как пламя на сильном ветру, разгораясь от него только сильнее. И только когда после оглушительного взрыва жар пошел на убыль, захотелось положить ладонь прямо туда, где сейчас тяжело и гулко билось его сердце за ребрами, и спросить: "А здесь только я?", но вероятность получить слишком честный ответ от циничного любов-

ника мигом отрезвила. Ну или я просто струсила, и вместо этого подняла голову с его плеча, подставляя губы под поцелуй. Ведь если в нашей игре словами, допускаю, что она вообще что-то значила, ведьмак предъявил права на мое тело, то я нуждалась в гораздо большем. А какое право у меня задавать такой вопрос, не имея для него ответа в своем сердце?

Глава 7

– Василек, подъем! – скомандовал во второй уже раз безжалостный ведьмак. Прошлый был по моим ощущениям минут пятнадцать назад, и я после его команды благополучно задрыхла снова.

– Не хочу, – буркнула я, не открывая глаз. – У меня больничный.

– Хрен там! Ты уже абсолютно здорова. Вставай!

– Тогда у меня выходной. Я его вчера честно заработала, переспав с непосредственным начальством.

– Это ты-то в процессе работала? Совесть есть?

– Ты сам постоянно говоришь, что совесть – вещь для подлунного совершенно бесполезная.

– Надо же, как ты вовремя об этом решила вспомнить!

– Правда?

– Нет, блин! Вставай, я сказал. Привезли заказанную тобой беговую дорожку, а без присутствия твоей хитрой задницы никто не может ничего внести в твой дом, балда!

– Я заказала беговую дорожку? – вот тут я таки открыла глаза и села. – Когда?

– Люська, не беси! Ты сказала, что задолбалась по сугробам скакать. Если нет, то все равно подъем и побежали опять на свежий воздух.

– Лукин, вот знаешь, я тебя сейчас прям люблю, – со вздохом я вылезла из-под одеяла. – Но все равно ты изверг и гад, и терпеть тебя не могу.

– Ага, местами люблю, местами ненавижу, – ведьмак бесстыже тарачился на меня, пока натягивала футболку. – Лично меня все устраивает.

– О чем конкретно речь? – уставилась я на него, давая понять, что засекла эти его визуальные лапанья.

– Обо всем. Меня все устраивает. Я бы даже сказал, что восхищает. Шевелись!

Я послушалась, но это не спасло меня от наказания за прежнее промедление в виде укуса в ягодицу, как только нагнулась, чтобы натянуть домашние леггинсы.

Супер навороченную беговую дорожку решили установить прямо в холле. Плюс к ней еще на стену рабочие стали вешать кучу турников и прочего оборудования. Скамья для пресса там точно была. Ради этого оттуда даже сняли тот самый щит деревянный со старинным оружием, в который случилось влететь Лукину в момент нашей первой встречи. Блин, времени-то по факту с нее прошло всего ничего, а по ощущениям – будто в другой жизни.

– Да какого...! – выкрикнул один из рабочих, когда вроде бы надежно загнанный в стену дюбель вывалился обратно, и покосился на меня. – Прошу прощения, хозяйка, вы что со своим домом не договорились об этом?

– Эм.м. м...? – я перевела недоуменный взгляд с него на Данилу.

– Пардон, мужики, мое упущение! Сюрприз своей девушке решил устроить, об этом моментике забыл. Василек, отойдем на минутку?

– Они что, тоже того? – шепотом спросила я, когда он торопливо повел меня в сторону двери, ведущей в подвал.

– Чего “того”?

– Ну, подлунные или просто в курсе о нас!

– Подлунные, Люська. Никто другой к ремонту наших домов и не допускается. Ты же вроде заикалась о новой кухне – вот их тебе и надо. Обычным людям твой дом за первую же дыру в стене та-а-акого пинка отвесил бы – на окраине города бы очнулись.

Я передернулась от стылого воздуха, мигом окружившего в подвале. Я до этого сюда спускалась всего раз и осмотрелась чисто поверхностно. Уж больно мраченько все выглядело,

на психику адски давило. По сути не просто подвал, а целый подвальный зал, с потолка которого свисала не только уродливая люстра с черными свечами, но и множество цепей и крюков. Вдоль одной из стен протекала подземная речушка или ответвление какое-то тех самых тоннелей, где творили черное чуди. В середине помещения каменный стол, что казался единым целым с каменным же полом, и на этом постаменте опять же камень, но уже алтарный. Чернубурый, похожий на ноздреватую пемзу, готовую алчно выпитывать любую жидкость и наверняка поглотивший ее немало. Наследство от Рогнеды, которое было абсолютно бесполезно для меня, но, однако же, являлось неотъемлемой частью дома, его сердцем. Сердцем, которое я должна оставить как есть, дабы сохранить дом живым, не смотря на то, что меня передергивало от знания, какие ужасы и мерзости творила с его участием старая ведьма. Альтернативой была процедура смены ее алтарного камня на мой собственный, но он где-то там, в глухих лесах, и не факт, что будет найден.

– Мы зачем сюда идем? – спросила Лукина, брезгливо оглядываясь.

Мне тут даже просто ходить было омерзительно, ведь человеческой и всякой безвинной живности кровушки здесь пролито немерено, как и останков в воды речки сброшено.

– Дому жертву принесешь и насчет работ договоришься. А то он нам так и не даст ничего сделать.

– А как? – я в принципе понимала как, и мне это жутко не нравилось.

– А как ты дом присваивала? – посмотрел он на меня с “не выделяйся” видом.

– Ясно, – вздохнула я и взяла у него предусмотрительно протянутый мне нож.

Что за магия эта домашняя, блин! Одно членовредительство и кровопийство!

Полив щедро алтарный камень кровью и шепотом попросив дом рабочим сейчас и впредь не препятствовать, я почувствовала себя глуповато, потому как разговаривать с каменюкой все еще странновато для меня, особенно не получая ответа даже в виде какого-нибудь мерцания или свечения.

– Интересно, хоть сработало? – проворчала я, а потом и зашипела, когда ведьмак схватил меня за руку и мазнул своей пахнувшей хвоей мазью.

Запекло, но кровь мигом остановилась, и рана на глазах закрылась.

– Сейчас пойдем.

Данила повел меня обратно, и я выдохнула облегченно, выскочив обратно в холл из мрачного подземелья. Эх, моя бы воля, я бы его камнями завалила и бетоном залила к чертям. Но тогда Фанирс своего обиталища лишится, да и нельзя в принципе.

– Пробуйте, мужики! – скомандовал Лукин, и на это раз работа действительно закипела.

Входная дверь распахнулась, впуская еще одного крупного парня в рабочем комбезе с коробкой в руках, и я успела заметить Василя, который стоял под аркой, прислонившись к стене плечом и мрачно взирая на движуху.

– Василь! – окликнула я его. – Заходи!

– Ему и на улице неплохо было, – проворчал господин Гостеприимность.

Оборотень вошел, сухо кивнул мне и зыркнул на рабочих.

– Что, решил пока поменьше ее из дому выпускать? – обратился он к ведьмаку. – Правильное решение.

– Он не решает за меня, – раздраженно зыркнула я на мужчин.

– Решаю, – возразил наглец и сделал приглашающий жест в сторону лестницы. – Жрать хочешь? С ночи же кругами ходишь.

– С ночи? – возмущенно обернулась я, но Данила продолжил меня подталкивать вперед. – И ты не сказал? Держал чело... его на морозе?

– Ну так, теперь это его служба, василек, – невозмутимо фыркнул Лукин. – Вот пусть он ее и несет. И холод этим толстокожим нипочем.

– Все верно, – нисколько не обидевшись, подтвердил оборотень. – Только учти, Лис, я всегда только ее прикрывать стану. Ты мимо.

– А я в твоём прикрытии и не нуждаюсь. Мне только не мешай и с советами своими, до хрена полезными, к моей девушке не лезь, понятно?

– Ты его своим признала? – покосился на меня Василь, усаживаясь в столовой на испуганно скрипнувший под его массой стул. – Зря, сестренка.

– В это ты не лезешь! – продолжил настаивать ведьмак.

– Разберемся, – отмахнулся похоже ничуть не впечатлившийся здоровяк. – Вы мне лучше скажите, что за странное существо тут кружит?

– Существо? – удивилась я. – Какое? Как выглядит?

– Без понятия. Увидеть ни разу не смог – очень быстрая. Одно скажу – это девка. Пахнет вроде вампом, но вроде и нет. Это не кто-то из недобитых Войтовичей выискивает шанс поквитаться?

Я сорвалась со стула, едва не запутавшись в собственных ногах.

– Куда, блин?! – крикнул мне в спину Лукин. – На улице белый день, Люська! Думаешь, сестра твоя под солнышком разгуливать будет? И вообще, кто сказал, что она к нам с добром?

– А с чем же?

– Это уже не твоя сестра, василек! Не совсем она, а уж точнее совсем не она, – ведьмак перешел на ворчание. – Ломанулась она. Учишь-учишь, а толку – ноль.

– Насчет дня не прав ты, Данила, – возразил Василь, поерзав на жалующемся стуле. – Я же не просто так спросил, кто это. Запах и всю ночь, и поутру совсем свежий. Словно вот она только под самым носом у меня шмыгнула.

– Хм... – явно озадачился Лукин. – Но все равно это не повод нестись сломя голову, не выяснив, с чем пожаловала.

– А как мы узнаем, если не поговорим? – аргументированно, по моему мнению, возразила я.

– Оденься хотя бы! – недовольно бросил ведьмак, начиная спускаться по лестнице впереди меня и бурча что-то про “весь режим в хмм...” и “вечно не жрамши”.

Оборотень молча пристроился в хвосте нашей процессии. Выйдя на улицу, я осмотрелась. Небо хоть и было сплошь затянуто белесыми плотными облаками, но все равно приходилось щуриться, так как сочетание со снегом повсюду выходило мощное.

– Лена! – позвала я сначала негромко, встав прямо посреди улицы. – Мелкая, ты здесь?

Ответа не было, и сколько я ни шарила глазами по округе и даже по карнизам крыш, нигде даже намек на движение не засекала.

– Лена! Леночек! Мы с мамой очень переживаем и скучаем, роднуля! – повысила я голос, но горло предательски тут же перехватило, и в глазах защипало. – Ле-е-ен! Ты меня прости за все-все! В чем бы ни винула – прости! Я тебя люблю! Не хочешь со мной говорить – вернись домой, к маме с бабулей. Они же все извелись уже, плачут!

Случайные прохожие поглядывали на меня с подозрением, ведьмак с оборотнем мялись рядом, но больше ничего не происходило.

– Лен! Мируна! Как бы ты себя сейчас ни звала, и кем бы ни считала, услышь меня! Ты мне сестра родная, кровь моя, была ею и ею навсегда останешься! Мой дом всегда открыт для тебя. – Данила тихо предостерегающе проворчал, но я отмахнулась. – Я всегда тебе рада, жду и готова помочь! Приходи! Зла на меня за что – в глаза выскажи. Должной за что считаешь – приходи и потребуй. Одиноко тебе и страшно – я готова рядом быть.

Постояв еще с минуту и так и не получив ни ответа, ни хоть какого-то знака, я побрела обратно к арке и, уже входя под нее, ощутила нечто. Можно было это счесть просто порывом ледяного ветра, однако скорее уж это напоминало мимолетное прикосновение к моей мокрой от прорвавшихся слез щеке холодных, но бережных пальцев. Василь встрепенулся, в его мощ-

ной груди загрохотало, Лукин тоже весь подобрался, завертев головой. А в моих ушах прошестело “Я боюсь”. Хотя я бы не стала утверждать, что мне все не почудилось.

Настроение сползло до уровня “ниже плинтуса”, и я поднималась по лестнице в столовую, волоча ноги, как старая развалина.

– Завтрак подавай! – велел негромко ведьмак в сторону угла, и на этот раз Алька, будто почуввав мое настроение, ни словом не возразил ему.

Вскоре на столе появились тарелки с бутербродами и выпечкой, чашки и кофейник. На молчаливого сейчас оборотня слуга зыркал с неодобрением, но рот держал пока на замке. Подав все как велено, он, подобно коту, бочком подошел ко мне и поддел головой свободно висящую мою руку, как если бы выпрашивал ласки или так пытался ободрить. Я вымучила улыбку, поблагодарила его и погладила.

– Какие идеи насчет вчерашнего происшествия? – прочистив горло, спросила мужчин, решив отвлечься и взять свое раскисание под контроль. – Кто напал и с какой целью?

Ведмак сверкнул на меня глазами с “оно тебе надо?” видом, но, похоже, передумал и почесал с хрустом чуть обросший за сутки подбородок, ответил:

– Да кто угодно, василек, – он закинул в рот маленький бутерброд, проглотив его почти не жуя, и прихлебнул кофе. – Может, отдельные по повелению нового начальства чистками анонимными занялись.

– Егор сказал, что это не они.

– А мы по-прежнему вот прямо сильно-сильно доверяем этому... майору? – мигом пришел в раздражение Лукин, нарочно подчеркнув при этом “мы”. Василь молча жевал, переводя цепкий взгляд с меня на Данилу. – Может, очередной придолбнутый отряд охотников на нечисть организовался. Может, межклановые разборки. Пока нет больше информации – не вижу смысла гадать.

– Они целенаправленно выбивали там подлунных, которые были без морока, – подал наконец голос оборотень. – По крайней мере, мне так показалось, пока я тебя нес.

– Вот как?

– Показалось на бегу – это не есть точные сведения, – огрызнулся ведьмак.

– Но если все же так, то почему? Хотели быть точно уверены, что убивают исключительно подлунных? – Я напрягла память, восстанавливая в ней тот самый момент, когда увидела убийцу в черном. Тогда было совсем не до анализа, но сейчас что-то начало меня царапать. То, как он замешкался, прежде чем прицелиться. И глаза его...

– А чего там уверяться, василек. Свободный вход в заведение был исключительно для подлунных. Попытайся войти туда простой человек – маг-сигнализация оповестила бы и не пустила. Потому они стену и взрывали.

– Ни о каких разборках между кем-либо из наших, что могли вылиться в такое эпичное дерьмо, я не знаю, – высказал свое мнение Василь. – Дураков вот так светиться нет. Вон, даже вы с Войтовичами умудрились свои дела перетереть вдали от чужих глаз. Кстати, это правда, что у тебя в руках была Чаша Первого, сестренка, и ты ее того... утопила с концами?

– Хлысты, болтливые сучата, – процедил сквозь зубы Лукин и ехидно оскалился. – Правда это. Добро пожаловать в команду имени блаженной Люськи, громила, и то ли еще будет.

– А отряды охотников на нечисть? – быстренько решила вернуть беседу в прежнее русло я. – Они реально существуют?

– Прежде их ой сколько было, – качнул головой Василь. – И охотники, и инквизиторы всех мастей, и просто психованные граждане на нашу голову были. Это последние лет пятьдесят тихо стало, так иногда кого-нибудь заносит. Но у нас в городе я точно ни о каких энтузиастах подобного рода не слышал уже лет десять. Такие вещи в нашей среде мигом на слуху становятся, не утаишь.

– А гастролеры откуда бы могли узнать о расположении бара исключительно для подлунных? – задалась я вопросом.

– Да о нем и наши местные борцы с нелюдьми, включая отдел, не очень-то были в курсе, – резко помрачнев, заметил оборотень. – Но учитывая, что последнее время кое-кто из подлунных пропал при непонятных обстоятельствах, включая и моего брата, а благодаря тебе, теперь есть понимание, что их брали под контроль, возможно, все наши места сборищ уже никакая не тайна.

– То есть вы все же подозреваете в первую очередь отдел?

– Всегда, – кратко подтвердил ведьмак, а Василь молча кивнул.

– Но зачем им это? Что-то я сомневаюсь, что все подлунные покорно примут подобное истребление как данность и не захотят мстить.

– По правде сказать, большая часть предпочтет, конечно, смыться и из города, и из страны на всякий случай, пока все не утрясется, – задумчиво повертел очередной бутерброд Лукин. – Но сильные кланы и колены, конечно, не стерпят. И будет кровь. Вопрос только: исключительно отдельных или просто всех, кому не повезет подвернуться под руку. Если только копов – то и фиг бы с ними, новые придут на их место, может, поумнее и поговорчивее. А вот если массово... репрессий не миновать.

– А может, они поэтому и напали не открыто? Может это быть именно провокацией, чтобы заставить подлунных ответить жестко, агрессивно и без разбору, чтобы и добиться потом одобрения этих самых ответных репрессий?

– Все может быть, – хлопнул по столу ладонью ведьмак. – Гадать какой смысл? Все, что нам нужно – держать ушки на макушке и рвануть отсюда подальше, если жарко и правда станет. Мы не могучий клан, стая или ковен, нам большая драка ни к чему. Мы и так уже отличились, подкосив изрядно аж самих Войтовичей.

Василь посопел и поерзал, но никак слова Лукина не прокомментировал.

– Так, василек, хорош время тянуть. Тренироваться ты сегодня намерена?

– Нет, – без всякого зазрения совести созналась я. – Не хочу.

– Фиг с тобой. Тогда пошли наверх, зельями заниматься.

– Не хочу я сегодня, – уперлась я. – Поехали лучше на этого мужика Рогнедой заколдованного посмотрим.

– Да сдался он тебе! – закатил глаза раздраженно Данила, но, наткнувшись на мой прямой взгляд, мигом стал серьезным. – Слушай, василек, моя гиперчувствительная жо... пятая точка чует: там какое-то здоровенное дерьмо скрывается.

– Не посмотрим – не узнаем.

– Не хочу я ехать и смотреть на кучу дерьма. И ты не хочешь. И пес наш говорящий не хочет.

– Я хочу просто узнать, с чем предстоит иметь дело, – редактировал его заявление оборотень. – Чего ожидать?

– Не посмотрим – не узнаем, – повторила я, и Данила витиевато выругался под нос, смиряясь.

– Имей в виду, я с этой мерзкой бабы даже за “просто скататься и глянуть” та-а-акую сумму слуплю, что ее крашенные патлы дыбом встанут. А если попробует не расплатиться – нашла порчу черно-гнойную.

– А знаешь... делай что хочешь, – отмахнулась я. – Ее не жалко.

Глава 8

– Хозяйка-а-а! – тихонько и как-то очень жалобно позвал меня Алька от дверей спальни, где я только закончила собираться.

– М?

– А на что тебе кухня та сдалась, а? Неужто слуга твой стряпает так препогано?

Услышал, значит, и надумал себе сразу.

– Кухня не мне одной нужна, Алька, а нам с тобой, – ответила я на ходу, делая вид, что совсем не замечаю ни нарочито блестящих непролитыми еще слезами круглых глаз, ни дрожащих губешек. – Мы там с тобой будем вместе кулинарить, чтобы не скучать. Ты будешь меня учить тому, что умеешь, а я тебе всякие новые рецепты покажу. А еще станем смотреть разных блоггеров и у них вместе учиться.

– Блоххеров? Это чего за нечисть такая? Иноземная, небось? – мигом оттаял и поинтересовался, пусть и с легкой ревностью, он.

– А по-разному. Есть и иноземная, а есть и нашенская. Расплодились. Заразно это больно.

– Так оно и понятно, разве хорошее что блоххером обзовут? А всякая зараза да гадость ой как плодиться любит. Может чур нас, хозяйка, от них? Небось сами не дураки мы с тобой. А то подцепим чего, и как его потом врачевать?

– Конечно, не дураки. Чур так чур, – я похлопала ласково по его макушке и пошла к ожидающим выезда мужчинам.

– Эх, кабы еще время у тебя нашлось заскучать, – вздохнул мне вслед Алька.

– Куда едем? – спросила у Лукина, влезая в салон его внедорожника и покосившись на расположившегося сзади Василя.

Он такой широченный, что чуть ли не все сидение собой занял.

– Мадам Шабанова сообщила мне, что ее бывший супруг имеет привычку ежедневно обедать в ресторане “Золото скифов”, что напротив его офиса. Туда и двигаем, – ответил Данила, протянув мне свой телефон. – Вот фото объекта для опознания.

– А если он изменил этой своей привычке? – Я несколько секунд разглядывала фото седоватого мужчины средних лет.

Взрослый дядька, вполне себе на мой взгляд приятной внешности, самую малость полноватый, но лицо такое открытое, доброе, я бы даже сказала. Жаль его, надо же было судьбе его с такой, прости господи, стервой, как эта Людмила, накрепко повязать. Нет бы достался хорошей женщине, мало разве их таких одиноких на белом свете. Вон как мамуля моя хотя бы. Так нет же, присобачило мужика роковыми гвоздями к той, которая его на ресурс на будущее и подушку безопасности держала.

– Даже если есть и туда он больше не ходит, в офисе-то все равно бывает. Посидим в тепле, пожрем чего-нибудь и подождем. Я знаю этот ресторан – там такие огромные окна во всю стену как раз на улицу и выходят, где офис его напротив.

– Мы же только что завтракали! – изумилась я.

– Во-первых, не только что, а почти час прошел. А во-вторых, есть возможность сидеть в тепле и жрать – сиди и жри, потом, может, всю ночь еще придется бегать по холоду и с пустым брюхом. Мало ли как там пойдет. В клуб мы тоже шли оттянуться, пообщаться и поесть, и чем это закончилось?

Я спорить не стала, а оборотню, похоже, было на все пофиг, он был занят разглядыванием наших соседей по потоку. Машин в этот час оказалось на удивление много, и двигались мы по городу крайне медленно и, стало быть, добирались до места почти час. “Золото скифов” был явно из разряда весьма небюджетных ресторанов, учитывая и его расположение, и окружение из суперсовременных зданий, набитых офисами и представительствами известных

фирм и организаций. Внешняя стена действительно сплошь огромные окна, которые однако же были затонированы и прозрачны только изнутри, так что посетители не ощущали себя как на витрине. Столик у самого окна пришлось подождать минут двадцать, потом еще сорок мы ожидали основные блюда, так что завтрак действительно успел осесть, а витающие по залу ароматы стали пробуждать аппетит. Но попробовать местную кухню нам было не судьба.

– Идет, – буркнул Василь, первым заметив объект нашего интереса.

Я отвлеклась от разглядывания местного потолка – искусно, на мой взгляд, выполненные из лепнины в позолоте увеличенные копии скифских украшений на черно-бархатном общем фоне – и посмотрела на улицу. И в первый момент готова была сказать оборотню, что он ошибается. К ресторану с противоположной стороны улицы в сопровождении какой-то длинноногой девицы действительно шел невысокий дядечка, похожий на того, что мы знали по фото. Вот только на экране телефона от него веяло добродушием, а от этого вживую с точностью наоборот. Он казался моложе, но при этом черты лица приобрели какую-то неприятную жесткость, а прищуренные глаза цепко шарили по прохожим, будто в ожидании угрозы. Однако, присмотревшись, я поняла что это все же тот самый Сергей. Мало ли, может, у мужика день неудачный и нервный или это ему уже так магией всякой психику расшатало, что он на людей зыркает с опаской и злостью. Я и раньше-то слышала, что все манипуляции с волей никому даром не проходят, а теперь еще и точно знала, что так и есть, и даже конкретно чем оборачивается и для подавляемого, и для подавляющего. Тут, что называется, одна только третья сторона в прибыли, и при этом совершенно не важно, творится обряд своими кривыми ручками по найденной в сети или книге инструкции или привлекают профи – расплаты не избежать.

– Не вертись, василек! – цыкнул на меня Лукин, когда Шабанов пропал из поля зрения, войдя в здание ресторана. – Он сейчас сам сюда придет. Его любимый стол справа от нас.

– Откуда ты... – на автомате начала я и осеклась. Это же Лис, он все разноухать успевает и подстроить как половчее.

Сергей со своей спутницей, что возвышалась над ним на своих каблуках чуть ли не на голову, прошли мимо нас, негромко о чем-то беседуя, и я постаралась не слишком уж пялиться, а вот Василь шумно вдохнул и нахмурился.

– Что? – спросил у него Лукин, но оборотень только пожал плечами и еще больше нахмурился, глядя перед собой рассредоточено, будто ушел в себя.

– По-моему, все с ним в порядке. Я ни черта криминального не вижу, – заявил еще через несколько минут ведьмак и, моргнув несколько раз, незаметно поймал в ладонь выскользнувшую из угла его глаза голубоватую полупрозрачную каплю.

Коснувшись его кожи, артефакт вмиг из жидкого стал твердым, и Данила спрятал его в бумажник.

– Совсем ничего? – уточнила я, глядя на объект сквозь ресницы или мельком.

Сам же Шабанов тоже начал поглядывать в нашу сторону, но зыркал исключительно на Василя. Все же он в нашей компании был самым колоритным персонажем и самым большим.

– Да что-то фонит, но чисто по мелочи, – отмахнулся ведьмак. – Походу, мужичок-таки обзавелся какой-то защитой по нашей части от своей бывшей. Вот и славно, а нам тут делать больше нечего.

– Ну ладно, – вздохнула я, смиряясь.

К столику Шабанова как раз подошел официант с закусками и немного сдвинул стоящую на каждом столе высоченную прозрачного стекла вазу с цветами, а я оперлась на ладони, чуть наклонившись и собираясь подняться. На одно мгновение получилось так, что мне пришлось смотреть на Сергея сквозь призму воды с торчащими в ней стеблями, и меня к месту приморозило от ужаса. Там больше не было человеческого лица. Нечто отвратное, выпученные фасетчатые буркалы и бесконечно шевелящиеся многочленные челюсти! Это напоминало картинку из дурацкого триллера, где на людей нападала некая насекомая монстро-гнушь.

Шабанов дернулся, садясь прямее и выпадая из моего водяного фокуса, и уставился прямо на меня.

– Люська! – едва слышно предостерегающе зашипел на меня Лукин, и я поспешно, но все же с огромным опозданием отвернулась, стараясь взять под контроль и свое наверняка обалдевшее лицо.

Ножки стула с резким визгом проехали по полу, и Шабанов торопливо уже удалялся в сторону выхода, а за ним следом цокотала каблуками ошарашенная девушка, вопрошая “Сереженька, что случилось?”

– Ну и? – наклонил голову набок Данила, откидываясь на спинку стула и демонстрируя, что мы теперь не торопимся уходить.

– Он не человек, – вместо меня ответил Василь. – Но кто – не пойму.

– Да он такое... – выдохнула я наконец свой шок и торопливо поведала им, что случилось увидеть, завершив описание вопросом: – Кто это?

– Хм... – почесал Лукин с хрустом щетину на подбородке.

Оборотень проделал то же самое, но с виском и молча.

– Ясно, – заключила я, верно поняв их реакцию. – Слушайте, а инопланетяне бывают? В смысле, подлунные с ними дела какие-то ведут?

– Да Люська же! – закатил глаза ведьмак. – Ты еще рептилоидов приплети! Поехали домой, будем в библиотеке Рогнеды копать. Должно найтись там это твоё чудо-юдо.

Расплатившись, мы покинули ресторан. Лукин на обратной дороге несколько раз глянул на оборотня в зеркало заднего вида, и это привлекло внимание того.

– Ну? – спросил он.

– Когда торговаться за долю в деле этом начнешь? – ухмыльнулся ведьмак.

– А я в делах пока ни в каких не участвую, Лис. Я ее пасу, и на том все, – ткнул Василь в меня пальцем. – Так что расслабься, поделиться не потребу. Не нищенствую чай.

Пока он говорил, а я хмурилась, Данила наоборот расплывался во все более широкой и предвкушающей улыбке, возмущая меня все больше. Ну нельзя же быть таким жадюгой!

– И-и-и, понеслась! – самодовольно протянул Лис, зыркнув на меня искоса.

– Я считаю, что это несправедливо! – решила высказать свое мнение.

– Тыдыщ! – прокомментировал это Лукин, уже откровенно заржав.

– Если ты все равно с нами и – вдруг что – будешь рисковать наравне, то совершенно несправедливо, что мы заработаем на этом деле, а ты нет. И я на такое не согласна!

– Почему? – явно с искренним недоумением спросил Василь.

– Тут надо не “почему” спрашивать, мужик, а “что это такое вообще”, – ответил ему отсмеявшийся Данила. – А это явление под названием “Люська Казанцева, несогласная с законами подлунных”.

– Сестренка, если ты думаешь, что не предвкушая барыша, я хреново прикрывать тебя стану, то напрасно. – Кажется, оборотень даже слегка обиделся. – Исполнение воли посмертной, меткой изъявленной – дело чести у нас, а не повинность нежеланная, которую бабками подслащивать надо.

– Да при чем здесь... – начала я, оборачиваясь, но Лукин оборвал меня.

– Ша! Не шуми, василек! А ты, звероподобный наш приятель, смиришься с существующим положением вещей. Люська – существо уникальной породы, этой самой справедливостью на всю головку красивую больное. Во всем и для всех желательно. Так что не обижай ее предположением, что она тебе нечто вроде подкупа или платы за добросовестность предлагает. Вот я бы – да и всенепременно, а она – ни в жизнь. Так что все барыши пока делим на всех и на том денежную тему закрываем, а то Люська из кожи того и гляди выпрыгнет, она у нее больно дискомфортная.

– Да как хотите, – мигом расслабляясь, безразлично пожал плечами Василь.

Алька выглядел слегка ошарашенным тем, что я умудрилась домой вернуться при свете дня и невредимой, и умчался на кухню готовить на всю компанию, а мы втроем поднялись наверх, в лабораторию, она же и книгохранилище.

Я сразу нацепила на голову обруч Различителя, вручив еще один оборотню, и двинулась вдоль полок с фолиантами, начав снимать с них те, что должны содержать информацию по всевозможным созданиям подлунного мира. Данила забрал несколько книг на кушетку, развалившись на ней с максимальным удобством, Василь принялся листать страницы, стоя прямо у лабораторного высокого стола, я же оттащила парочку тяжелых томов к креслу посреди помещения. Наступила тишина, разбавляемая только шелестом страниц и все более громким сопением оборотня.

– Слушайте! – Наконец не выдержал он и захлопнул книгу, пренебрежительно скривившись. – А давайте вы тут как-нибудь сами. Я лучше по округе поброжу, обстановку разнюхаю. Терпеть не могу вот это вот все. Воняет от них, картинок ни хрена нет, а буквы эти гадские мелкие так и скачут!

– М-да, кто-то головой работает, а кто-то в нее только ест, – пробормотал Лукин, не отрываясь от просмотра.

– А кто-то в нее рискует схлопотать за длинный язык, – ответил, впрочем, почти беззлбно Василь и ретировался.

– Насчет пожрать при любой возможности ты и сам не дурак, – фыркнула тихо себе под нос я.

– А все потому, василек, что работа мозга требует массу энергии. А работа столь гениального, как мой...

– Ой, да кончай! – рассмеялась я, медленно перелистывая страницы.

– О, вот тут я только за, – оживился он. – Как насчет чуток отвлекься, время же нас не поджимает.

– Всего-то на чуток? – наигранно разочарованно поджала я губы. – С чего это такой несерьезный подход? Выдохся прошлой ночью, дядечка в возрасте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.